

Цикл-Историк

Рассказ IV

Под ударами мрака

Глупость – беспросветный мрак, но в сердце незнания еще бьется свет.

Ханс Хириш

Проснулся, съел крысу и опять заснул – кошмарная схема жизни для высокоинтеллектуального кота. Но я нашел выход из этой схемы – это моя работа, мое призвание. Я теперь делаю очень интересные дела и приношу пользу – даже крысам. Я очень всем нужен. И я очень занят. Я теперь даже выходных не беру. Мне нужно провести реконструкцию здания, реорганизацию рабочего процесса. Я должен заняться миротворчеством и подготовкой к войне. Это обязательно нужно делать одновременно – люди же всегда это одновременно делали. А я не хуже них – я тоже так могу... Это просто – как разрушать и создавать в одно и то же время. Из разрушенного обязательно что-то да создашь. Например, разобью я этот стакан и создам – осколки. Хотя нет, я не буду этот стакан бить. Он ведь принадлежал высшему офицеру службы безопасности. Это же его кабинет. Здесь я стараюсь ничего не трогать. А вдруг он вернется и... Людей, конечно, уже нет, но вдруг... Кто их знает? Я их знаю – я же историк, специализирующийся на людях. Точно. Но я о них еще недостаточно знаю. А я хочу знать... Хочу знать о них все! Обо всех них! Ведь они – создатели нашего разума! Узнав их, я узнаю себя!

Нет, чтобы узнать себя, недостаточно знать тех, кто тебя сделал. Да и вообще – у нас с людьми все не так просто. Они, конечно, приложили к нам руку – да не только они. Мы их создания – да не целиком и не до конца. Мы же – народ древний, пусть и вымерший в незапамятные времена и воссозданный людьми заново. Люди нас не из головы взяли и сделали – они сохранили в памяти наш старый биологический код и только собрали его снова, применяя схемы его изначального строения, оставляя нас в неизменном виде. Так что мы не совсем их творения. Они, правда, после этого наш код поправили – на нас просто эксперименты ставили, стараясь усовершенствовать наше сознание. И, не поспоришь, эти поправки у них, в отличие от остальных, получилось неплохо. Но мы обладали редкими задатками разумности – мы бы и без людей со временем стали разумными. Так что люди и к усложнению нашего сознания не так уж причастны. Они разве что ускорили процесс роста нашей сообразительности, заложенной в нашем биологическом коде, – коде гордых и одиноких хищников, охотников на крыс. Так же они поступили и с крысами. Это они с крысами сделали, думаю, для того, чтобы мы, такие умные охотники, не съели глупых крыс без остатка и не умерли с голода. Похоже, люди просто не решились поверить нам и подстраховали нас – и нас, и крыс... несмотря на то, что мы, коты, были так умны, что могли бы учесть обстоятельства и ограничиться строго необходимым нам расходом крыс без участия крыс... Да, точно – могли бы... Правда, крысы располагают другими сведениями. Они со мной не согласны и считают, что и с нами, и с ними это сделали, скорей всего, – случайно, а не специально. Не знаю, специально или нет, но, полагаю, – страховка никогда не повредит. Это мое предположение подкреплено опытом: мы с крысами получили такую страховку, как разум, – и остались жить на этой планете.

Я, в общем, не знаю, думали о нас люди или нет. А вообще, люди редко думали о других – даже с позиции, что им же лучше иногда и о других задуматься. Из этого вышло, что все творения людей, вытянутые только из головы, просто – кошмарны... Мы не такие. И крысы – не такие. А вот – скингеры... Я стараюсь не думать о том, что мы делим с ними эту потрепанную людьми планету. Мне лично они вреда не делали, но... Нет, конечно, какому-то скингеру меня не напугать, но... Жуткие они вообще твари – эти снежные звери... Люди сделали их на генетической основе крыс, но явно помянули при их создании медведей – зверей, покинувших этот покореженный мир и не вернувшихся, несмотря на все старания людей. Они пробовали вернуть всех вымерших тварей, чьи коды не потеряли с течением этого их вечно военного времени... Но не вышло – не приспособились эти твари к этому миру... Тогда люди попробовали поправить коды этих тварей...

Но и это не вышло – твари получались неприспособленными или к миру, или к – людям. Наделали люди черт знает что – и испугались. Тогда они наделали... и черт не знает, что они тогда наделали. Они попробовали сотворить подобия тварей, чьи коды потеряли... Получилось еще страшнее. А когда они сделали придуманных тварей... Хоть я и историк – мне становится страшно изучать людей, когда я думаю, какие чудовища вышли из их головы... Крысы к этому, конечно, спокойнее относятся – скингеры же им не чужие... И еще крысы настаивают на изучении одного наравне с другим, считая, что наши исследования не должны обходить стороной даже страшные события со страшными созданиями... И порой мне приходится им уступить.

Запись №1

Метель прекратилась, и я снял маску. Ветер перестал жалить меня в лицо и рвать с моих плеч шкуру снежного зверя. Только стужа не спит в затишье. Мороз весело трещит сухим снегом у меня под сапогами. Но мне жарко от скорой ходьбы и летучей радости. Проглянуло холодное солнце короткого зимнего дня. Оно светит не слишком ярко, но отражается снегами, и – светло. Очень светло – так, что глаза слепит. Кажется, что оно почти не греет, только бдительность терять нельзя – под его лучами легко обгореть. Даже тяжелый ожог получить просто – забудешься и не заметишь, как кожа облезет. Его лучи оставляют глубокие ожоги, как излучение скингера, – снежного зверя. Оно суровое – наше солнце. Но я открыл лицо его лучам и улыбнулся ему. Ведь Олаф уверен, что скоро настанет конец всему свету, что страшный волк Фенрир сорвется с цепи бога войны, сдерживающего его сокрушительные силы, и начнет разрушать все вокруг. Олаф утверждает, что наша война скоро кончится, что старый волк-разрушитель уже натянул цепь. А главное, – кошмарное каменное чудовище уже впилося острыми клыками в наше светило, готовясь его растерзать. Прежде я думал, что каменных троллей нет. Я не верил Олафу, пока Олаф не показал мне его – каменного тролля. Теперь я знаю, что тролль, пришедший из космического мрака и стоящий на высокой вершине, – охотник на звезды. Но сейчас мой путь искрится и сияет в солнечных лучах, как воздух, как небо. И мне так радостно. Просто, я вообразил, как обрадуется Олаф, и на душе стало так светло. Он столько для меня сделал. Я так хочу его отблагодарить. Наконец, появилась такая возможность! Но идущий чуть впереди офицер моего веселья совсем не разделяет... Когда я скрутил ему за спиной руки, на его лице отпечаталось настоящее страдание... Я этого вовсе не ожидал – я был уверен, что он разозлится... Мне грустно смотреть на него такого печального... Мне же совсем не хотелось ему грубить, но пришлось его на аркане протащить...

– Вы уж извините, что я так... Я же не хотел... Просто, я только так смог...

Офицер обернулся ко мне через плечо, посмотрел горящими глазами, сжал зубы и отвернулся...

– Молчи, солдат.

– Но я, правда, не хотел так...

Офицер остановился, разворачиваясь...

– Ты у меня всю дорогу прощения просишь. Ты что, не понимаешь, что ты сделал? Не понимаешь, что делаешь?

– Я понимаю... Поэтому и прошу прощения...

– Я прошу тебя, когда ты отключишь “шнур” и развяжешь мне руки.

– Тогда вы уйдете... Убьете меня и уйдете...

– Я уйду. Но тебя не трону.

– Не надо мне лгать...

– Я тебе не лгу. Я тебя мог убить уже трижды.

Холодок страха проскользнул мне под ребра, резко сдергивая мою улыбку, но его вытеснило недоумение...

– Что же тогда не убили?

Офицер раздраженно вскинул голову...

– Как тебя такого убить? Отпусти меня.

– Я не могу, вы мне нужны – крайне необходимы... Вы же умный, вы же знаете, что мы не всегда можем поступать правильно... Вернее, случается так, что мы можем или поступить

неправильно, или умереть... Я не хочу так поступать, но и умирать не хочу. Поэтому я стараюсь выбирать, что страшнее, – поступить плохо или погибнуть. Сейчас я с вами не так плохо поступаю – с этим поступком я смогу жить.

Я очень хочу ему все объяснить, но у меня не получается... Мысли сбились, и я перешел на обычную речь, но и голос дрогнул... Я чувствую, что жар треплет уши... Просто, мне очень стыдно перед этим офицером... И краснеть от стыда перед ним – стыдно... Ну вот, у меня совсем дыхание пресеклось... И я совсем замолк... Я всегда жутко робею перед офицерами, а сейчас – особенно... перед этим благородным человеком – особенно...

– Нет, на тебя у меня рука не поднимется.

– Вы не один такой... На меня и у других рука не поднялась... Даже у – Олафа...

– Успокоил...

– Вот и хорошо. Пойдемте теперь.

Запись №2

Я, с трудом сдерживая улыбку, легонько – для вида – толкнул, вставшего у входа, офицера тяжелым прикладом штурмового излучателя под лопатки. И он не влетел, а вошел в занесенные метелями открытые ворота, встав перед Олафом, вторые сутки сидящим в чаду костра и угрюмо точащим о камень зубастую железку. Это для капкана на крыс. Олаф же еще не знает, что теперь нам крысы не нужны, – теперь мы спокойно сможем ходить на снежных зверей!

– Олаф, ты только посмотри на моего пленного!

Пленный офицер глянул на меня с растущим раздражением, а Олаф... Он совсем не обрадовался. Он, молча положил железку на пол, молча отер тыльной стороной ладони коготь с бледного лица...

– Олаф... Ты что молчишь?... Мы же теперь получили все, что нужно! У нас и мощное оружие, и крылатые “стрелы”, и умный офицер! Он не только рассчитает нам схемы, но и на охоту с нами пойдет, и нашу технику починит! А еще он нам наверняка кучу интересных историй расскажет!

Но Олаф все равно не обрадовался. Он, все еще молча, поднялся на ноги, запустил руку в разметанные по плечам волосы и устремил грозовой взгляд на офицера, уже готового вспыхнуть негодованием.

– Олаф, не смотри на него так – он же вспылит... Он же офицер – к грубому обращению не привык... А мне пришлось ему нагрубить – я же ему руки скрутил и...

Олаф опустил нагнетающий бурю взгляд в пол, постоял на месте и собрал шнуром волосы. Это плохой знак – он собирает распущенные для вольного ветра волосы только перед сражением. Улыбка сошла с моего лица – я снова сделал что-то не так... Но я не могу понять, что именно, и на меня находит, тяжелеющая с каждой секундой молчания Олафа, растерянность...

– Скажи хоть что-нибудь, Олаф...

Я обернулся ему вслед, когда он прошел мимо и вышел на затихший в безветрии мороз...

Осторожно взял под локти кипящего досадой офицера – так, чтоб не причинить ему вреда, ведь его руки связаны за спиной “шнуром”, слабо светящимся в полумраке и пропускающим искрой блеклые огоньки...

– Идите вперед. Мне надо ему объяснить, что вы не такой, как прежний офицер. Тогда он не поступит с вами, как с ним, – с прошлым офицером. С вами же не надо так поступать...

Офицер в ответ весь вздернулся и завелся. Что-то они все нервные такие... Но я терпеливо сдержал дерганного офицера и отвел его к Олафу, и поставил его перед Олафом, замершим с крепко сжатыми на груди руками посреди сияющих на солнце снегов...

– Олаф...

Он стал еще бледней, будя силу зверя и борясь со злым духом, приходящим к нему с этой силой перед сражением по зову или просто, повинувшись привычке. Он теперь старается не отпускать этого духа на волю. И сейчас, оттесняя его холодным рассудком обратно, в буйные глубины инстинктов, он сжимает зубы и молчит. Только, кажется, у него что-то не получается с контролем над этим злом. Когда он посмотрел на меня и на моего пленного, ему пришлось сжать и кулаки. Но я не

понимаю, что заставило его дух разразиться грозой. Я понял, что это как-то связано с офицером, но... Этот офицер никак не напросился на что-то такое – ни словом, ни делом... Не знаю, чем он плох, чем Олафу не угодил... Наверное, для Олафа он слишком чистый и блистающий... Но я же его не из зоны боевых действий взял, а из светлых чертогов Хантэрхайма. По мне, он очень даже неплохой – даже очень хороший... Только огнеопасный чуть.

– Олаф, ты же сказал, что нам офицер нужен, – для сложного расчета и для схем...

Поджав побледневшие, искушенные в кровь, губы, Олаф не сводит напряженного взгляда с офицера, стоящего перед ним со связанными за спиной руками с таким достоинством, что мне за эти крепкие путы стыдно становится...

– Не такой офицер, Ханс.

Рука Олафа легла на ножны, сделанные из облезлой вытертой шкуры... Я заволновался пуще прежнего...

– Не будь таким придирчивым... Он не плохой. Не хуже других.

– Ты на его погоны смотрел?

– Он капитан... Прямо, то, что надо.

– Он рабочий, Ханс, а не боец. Он офицер – S4, а не – S7.

– Рабочие хорошо сражаются, когда нужно...

– Не так хорошо, как нужно, Ханс. Он не рассчитает требующихся нам схем – он не для этого сделан.

– Просто, ты сказал, что нам нужен офицер...

– Да, нам нужен офицер. Но нужен – воин, нужен – охотник. Этот офицер нам не нужен, Ханс.

– Олаф, оставь его – он нам пригодится...

– Нет. У него нет сил, которые он способен обменять на наши силы. Он только отнимет силы у нас.

Олаф вдруг весь взвился вместе с холодным ветром... Он, едва сдерживаясь, грубо схватил офицера, толкая в занесенные метелями открытые ворота, в высокий темный коридор, дающий пристанище зубастому ветру, в просторный зал, отгороженный тяжелыми бункерными дверями... Я иду за ним, теряясь от страха, что Олаф не справится, что с силой зверя он отпустит на свободу и это зло – этого Зверя... Меня до оцепенения пугает его злой дух... Я сжал зубы, чтоб не стучали от внезапно напавшей на меня стужи... Как плохо все получилось... А я так хотел, чтоб все вышло хорошо... Но теперь мне осталось только стараться вырвать у Олафа офицера, полыхающего яростью жарче прежнего. Я должен успокоить их обоих. Если Олаф разозлит этого офицера, офицер разорвет поле “шнура”, искрящего и гудящего от нехватки мощности на его крепко сжатых в кулаки руках... А если спящие силы офицера проснутся, Олафу придется призвать на противостояние все свои силы – пробудить все свои немеренные и неуправляемые силы... А тогда... тогда...

– Олаф! С ним же так нельзя! Он же офицер!

– Хоть каменный тролль, Ханс. Не суйся мне под руку. Ступай во двор.

– Нет, ты же убьешь его...

– Ханс, ступай.

Олаф рвется вперед штормовым ветром и срывается на этом офицере... Но он еще не разрешает себе срывать на мне...

– Олаф, брось клинок... Я не дам тебе его убить.

Олаф не позволял себе злиться на меня с тех пор, когда ожоги связали мою грудь рубцами, как веревками... Олаф никогда не злится на меня, но я знаю, как ему это тяжело дается... Я всегда думаю со страхом, а вдруг настанет такое время, что он не совладеет со злом... Кажется, это время не за горами... Вот я и стою перед ним, еще не решив, что делать... Если я не заступлюсь... Олаф убьет этого офицера, который неповинен во всем этом... А если заступлюсь... Я не знаю, что Олаф сделает со мной... И я не знаю, что я... Я же не подниму на него руку – на Олафа...

– Подожди, не трогай его...

– Ханс, я не могу ждать. Его будут искать охранники системы.

– Нам нужно уйти...

– Нам придется уйти. Но его мы с собой не возьмем. Мы и без него с трудом от “воронья” уходим. А с ним – не уйдем.

– Ты же сказал, что с офицером мы скроемся, что “черные вороны” не найдут нас...

– Не с таким офицером. С таким только хуже будет. Ступай во двор, Ханс. “Черные вороны” найдут его мертвым – без памяти, без отчетных данных, без работающей техники. Они вернутся в Хантэрхайм – оставят нас в покое.

– Но как же так, Олаф?.. Он же не виноват...

– Перестань жалеть всех подряд. Я тебе объяснял, что мы отдаем смерти чужие жизни, меняя их на жизни наши. Вина здесь не имеет значения. Это жертва, требуемая у нас смертью в обмен за наши жизни.

– Олаф, выходит, что его нужно отдать смерти только из-за того, что я его привел... Я так не хочу...

– Хочешь жить – отдай его смерти. Отдай его мне.

– Я хочу жить, но не так, Олаф... Хоть убей, я его убить не позволю!

– Ханс, ты соображаешь вообще?! Этот офицер приведет к нам наших преследователей! Ты что делаешь?! Ты мне какой выбор оставляешь?! Мне что, встать под тень “ворона”, оставив с нами этого не нужного нам офицера?!

– Он нам пригодится... А ты... Ты способен совладать с “вороном”...

– Я не всемогущ, Ханс! Я срежу крылья одному, но бесчисленная стая слетится растерзать меня! Нет, я не сдамся им, но они сокрушат мою силу, задушив северный ветер, затмив грозное зарево! Тогда они заберут всех! Нас всех!

– Нет, Олаф... Я не хочу этого... Этого не случится... Мы справимся... Мы объединим силы и справимся... Я не сойду с места, пока ты не прекратишь эту грозу!

– Прекращу?! Ханс, ты что?! Ты вообще не соображаешь! Ты не знаешь, что делаешь! Не знаешь, какой опасности он нас подвергает! Нет, я не прекращу! Не заступай мне дорогу! Я взялся отвечать за тебя, за совершенные тобой поступки! Держать ответ, смотря в лицо самой смерти, следующей за нами всегда и везде со своей преданной ратью, следящей за нашими промахами из всех щелей глазами серых крыс! Я обязан исправлять твои промахи столько раз, сколько ты промахнешься! Я обязан сохранять твою шкуру, пока не потеряю свою, Ханс!

– Ты не обязан, Олаф...

– Обязан! Ты свалился мне на голову, как снег! С духом чистым, как снег! Но чист не только твой дух! Чист и твой разум, не хранящий знаний! Ты, как снег, Ханс, слетел с неба! Но не к стылым скалам, не к бескрайним снегам, среди которых ты вмерз бы в вечные льды или был бы стоптан сапогами солдат системы! Ты попал в мои руки! Теперь я держу тебя в холодных руках, как снег, оберегая от тяжести сапог солдат системы! А ты рвешься с ветром, ища свободы! Ты не знаешь, что делаешь, как не доросший звереныш! Мне приходится сжимать руки крепче, прессуя тебя, как снег! Иначе мне не сохранить тебя! Иначе тебе не получить прочности льда, не стать сильным воином и охотником! Пока ты слабый, я за тебя отвечаю! Я за тебя перегрызаю шею опасности!

– Ты не должен отвечать за мои поступки, Олаф...

– Но ты за них ответить не способен!

– Я отвечу...

– Что ты сделаешь?! Смерть требует ответа! Что ты дашь ей в ответ?!

– Я еще не знаю... Но не мертвое тело этого офицера, Олаф... Я не хочу подвергать опасности нас, но и его смерти я не хочу... Я еще не знаю, что делать, но... Я найду решение.

– Ты не спасешь и нас, и его.

– Отпусти его...

– Мне что, отослать его в снежную пустыню?! Отправить скитаться под тенью “воронья” системы?! Нет, я не отпущу его, не передам прямо в их руки – в их цепкие когти, выдирающие ответы на вопросы!

– Отпусти... Я не могу... Не могу этого терпеть... Столько крови, Олаф... Сколько еще крови ты прольешь?..

– Сколько надо.

– Я не вынесу этого кровопролитья... Отпусти его...

– Нет! И не думай его защищать – не выйдет! А не сможешь ты без моей помощи его крови стерпеть, я тебе помогу – руки скручу так, что не вырвешься, пока не опомнишься! Не позволю тебе слабину дать! Не позволю тебе в вечном зове молчания снежной пустыни смерти искать! Уйди с дороги!

Когда клинок Олафа блеснул у него в руке, офицер полыхнул жарким пламенем, опалая проклятьями и нас, и снежную пустыню. Он разорвал поле “шнура”, связывающего его руки, и Олаф разразился бурей... А я так и остался стоять между двух огней, – горячего и холодного – стараясь препятствовать их обмену злобой, как только возможно без применения силы... Нет, не возможно... Я перехватил руку Олафа, дух которого трещит разрядами молний, огрызаясь на меня громом, как зверь...

– Олаф! Не надо! Ты воин и охотник Хантэрхайма, дышащий вольным ветром! Ты не Зверь, Олаф!

Но до него не доходят мои мысленные призывы и мой крик в голос... Я едва сумел отстранить взбешенного офицера... Я едва сдержал руку Олафа с занесенным теперь надо мной клинком... Сейчас он спустит силу зверя с цепи и... Я оттолкнул его, еще видящего меня глазами человека, а не Зверя, еще не обрушившегося на меня с мощью бури, – оттолкнул изо всех сил... Я подключил хлыст, трещащий предельной мощностью, обращая его против Олафа, как против зверя...

– Олаф, отпусти его!

– Не пущу! Он выдаст нас!

– Он так с нами не поступит, Олаф!

– Перестань доверять всем подряд!

– Это ты всем подряд не доверяешь!

– Перестань, Ханс! Он сдаст нас! Не будет в этом его воли, будет – чужая! Не даст он “воронам” ответ, они – возьмут! Они возьмут его память, Ханс! Я не могу его отпустить!

– Ты должен! Мы уйдем от преследования! Мы справимся! Надо только подумать, как это сделать! Прерви бурю, Олаф! Буран туманит тебе разум! Зверь не дает тебе ясно мыслить!

– Отойди! Я прикончу его! Отойди! И я не причиню тебе вреда!

– Брось клинок! Олаф, зачем столько зла?!

– Злом мы называем пищу смерти! Мы кормим нашим злом смерть, чтобы она не пожрала наше добро! У тебя нет зла, Ханс! Ты недоделанный! Тебе нечем накормить смерть! За тебя ее кормлю я!

– Столько зла, Олаф! Смерть сыта им по горло!

– Она ненасытна! Особенно здесь – в снежной пустыне! Уйди, я не хочу нанести тебе вред!

– Но ты наносишь! Этим злом! Я не могу так жить, Олаф! Я не могу ходить по обгаренному кровью снегу и спать среди холодных мертвых тел!

– Ты привыкнешь!

– Я не хочу привыкать! Я могу убивать ради жизни, но не жить ради убийства! Смерти не нужны столькие жертвы! Ты приносишь их не ей, а себе! Ты забыл! Ты не помнишь, что стало с преданными тебе охотниками, когда ты стал считать себя духом снежной пустыни!

– Я помню, Ханс! Но помни и ты! Я один остался стоять среди них, polegших на снегу! Несходящий снег скрыл их всех – холодных! А я остался стоять – сильнее зверя, мощнее грозы!

Жаркий озноб обдал меня холодной испариной. Я не смогу остановить его... Он сделает то, что обещал... И я – сделаю... Это все... Это конец... Такой конец? Всему? Или нет... Офицер... Он же свободен... Что же он стоит? Он же видит, что Олаф... Но он еще горит исступлением, он еще не разобрался...

– Уходите, капитан! Я пропущу вас! Я сдержу его! Что вы стоите?! Я долго не выдержу!

Офицер не двинулся с места – он стоит у стены как вкопанный, продолжая полыхать... Мне кажется, что сейчас вспыхнет и воздух, раскаленный его сдержанным гневом...

– Вы что, не поняли, капитан?! Седлайте мою “стрелу” и летите прочь! Скорее!

Офицер подключил потухший “шнур”, распустил его двуглавой плетью, отстранил меня... Что же это? Он решил сразиться с Олафом? Но Олаф его... Я заступил ему дорогу – ему и Олафу... А в голове пульс мечется, как крыса в клетке...

– Не делайте этого, капитан! Только не это! Уходите отсюда! Скорее!

– А куда мне идти?

– В Штормштадт, в Хантэрхайм! Откуда пришли!

– Теперь все крепости системы для меня закрыты.

– Вас впустят! Вам откроют все врата!

– Меня в застенках замучают, пока разберутся.

– Не насмерть же... Не так, как он...

– Хуже, чем насмерть, хуже, чем он.

– Да, время прошло, вы теперь объявлены пропавшим без вести... Теперь “черные вороны” заключают вас... Теперь вернуться вам нельзя... Но вы просто уходите!

– В снежную пустыню?

– Да, вам некуда теперь идти... Но он убьет вас...

– Кто он такой?

– Олаф – он боец и охотник Хантэрхайма с силой зверя, данной свыше силы воина. Он давно дышит свободным ветром северной пустыни. Он стал духом снежной пустыни, приходящим с грозой! Он стал оборотнем!

– Ментальный оборотень?

– Не знаю, какой! Я совсем запутался! Но с силой в нем пробуждается Зверь, которого он приучил к свободе и с которым еще не научился справляться!

– Одичал боец?

– Я прошу вас, уходите! Он же точно убьет вас теперь... Его же нельзя злить!

– И меня злить нельзя. Никуда я не уйду. Мне идти некуда. Да и тебя он здесь сожрет без меня.

– Он утихнет. Только уходите!

– Он не ветер, чтобы просто утихнуть. А меня ты не прогонишь, раз притащил.

– Вы же офицер! Вы же умный! Вы же видите!

– Вижу, что ему “медвежья рубашка” впору, а тебе с ним справиться сил не хватит.

– Да, он берсеркер! Его простому бойцу не побороть! Уходите же!

– А я не простой боец – я офицер.

– Вы вообще не боец, вы – рабочий!

– Я офицер, созданный Хантэрхаймом!

Капитан бросил шинель, беря бич, – беря у меня из рук, будто я его и не держу... Теперь этот мощный разрядник трещит в его левой руке, когда в правой – шипит двуглавая плеть...

– Не надо, капитан!

– Я весь ваш спор слышал – вы в голос орали. Я знаю, что он нужен, но мне придется сжечь его, если он не перестанет мне угрожать.

Сжечь? Олафа? Огнем? Он ненавидит огонь... Осыпанный искрами Олаф только сбросил с плеч смердящую в тепле шкуру снежного зверя и взялся за второй клинок. Его суженные глаза сереют, скованные сталью, – они устремлены на руки офицера с холодом и расчетом хищника. Я знаю, что он не упустит ни одного движения, что его рывок будет сокрушителен.

Я не понял, кто отшвырнул меня в сторону, – Олаф или этот офицер... Просто крыса, бьющаяся у меня в голове, как в клетке, сдохла – пульс прервался и в глазах поплыло... Я все делаю не так... Олаф... Он не такой уж и сильный – он силен только тогда, когда его дух бушует бурей. Без этого ему не сразить офицера. Он теперь точно отпустит это зло... А этот офицер... На его скулах проступили красные черты жара, выстуженного холодными ветрами и вновь вспыхнувшего горячим костром... Он не пожалеет Олафа... Олаф никого не жалеет, кроме меня, и его, кроме меня, никто не жалеет... Офицер обвил горящим хлыстом его руку, а он боли теперь совсем не чувствует... А сейчас и офицер перестанет чувствовать боль... Тогда они друг друга на куски разорвут – и не заметят этого... А я... Я не знаю, что мне делать теперь. Что теперь я вообще могу сделать?!

Запись №3

Не знаю, за какое оружие мне хвататься, кого защищать... Мне известно, что Олаф способен перерезать глотку и офицеру сильнее этого, но не в честном бою... Он затравил сильнейшего своего противника озверелыми скингерами – снежные звери не сожгли его, но испортили его сложное оружие и технику своим мощным излучением... А теперь у Олафа нет своры скингеров... А этот офицер... Я бессильно стою у стены, не успеваю проследить выпады мечущихся в тусклых отсветах горелки фигур, спутанных с тенями и всполохами... Они схватились жестоко, и я все хуже соображаю, что мне делать... Я не знаю, что делать! Не знаю! Но я должен сделать хоть что-то! Они все время кричат про силу зверя, но забывают про звериную слабость! Зверей пугает открытый огонь! Огонь сожжет их злобу! Я схватил прут – обломок железки, на котором Олаф обычно жарит мясо, – обмотал его куском мохнатой шкуры снежного зверя, облил топленым жиром из горелки и поджег... Полыхнуло сильно, но это ненадолго...

– Все, хватит! Разойдитесь!

Олаф отпрянул и, задыхаясь, припал спиной к холодной стене, пригвождая офицера к месту неподъемно тяжелым взглядом...

– Ханс, ты что делаешь?!

– Разгоняю зверей!

Офицер остался стоять на месте... Искрящий хлыст замер в его, занесенной для удара, руке...

– Ты заарканил меня, как зверя! А теперь тычешь мне в лицо огнем!

Я снова что-то не так сделал... Теперь я разозлил их обоих... Но я хоть переключил их внимание на себя, оторвав друг от друга...

– Не надо было мне беспрерывно про силу зверя орать! Теперь я буду обращаться с вами, как со зверями, когда вы будете оборачиваться зверьми!

Офицер смерил Олафа остывшим взглядом и отключил исходный блок, туша плеть.

– Я не зверь. Я офицер Хантэрхайма. Я не обращаю мощь воина в силу зверя. Мое могущество служит мне, а не я ему.

Глаза Олафа еще полыхают разрядами молний, но я прервал грозу. Его разум трезвеет, напоминая ему, что силы его исчерпаны, что их остаток необходимо сберечь. Ведь после таких сражений он устает до полного бессилия. А он старается до этого не доводить. Олаф только с виду такой лихой – он осторожный... когда им не правит Зверь. Я с облегчением бросил раскаленный прут с опадающей обугленными ключьями догорающей шкурой...

– Олаф, я же сказал, что рабочие хорошо сражаются, когда нужно...

– Верно, хорошо... Нашла коса на камень... Что ж, он станет охотником... Он стоит тех сил, которые я на него потрачу.

Олаф согласился сквозь зубы, но делать ему нечего, кроме как правду признать... Он очень заносчивый, но всегда правду признает – слишком он гордый, чтоб не признать... Как гора с плеч... Слабость сползла к рукам со спины, как холодной водой обдало...

– Как же я рад, что все обошлось, Олаф... Я же думал, что все... Думал, что вы друг друга...

Олаф положил руки мне на плечи, серьезно смотря мне в глаза проясненным взглядом.

– Ханс, такого впредь не произойдет.

– Я надеюсь... Но ты начинаешь все заново... Ты злишься и злишь всех, заставляя сражаться всех – со всем и всеми без разбору... А сражаться нужно только с врагом...

– До тебя никак не доходит, что борьбы с врагом здесь не достаточно.

– Я знаю, что нам приходится сражаться со снежной пустыней и зверями, с охранниками и врагами системы... Но нельзя биться вообще со всем, со всеми, Олаф... Ты все разрушаешь...

– Теперь не все, Ханс. Я все помню, Ханс.

– Ты помнишь все... Но, когда ты становишься Зверем, ты помнишь все не так...

– Я не допущу этого впредь. Теперь Зверь не придет без зова, без нужды.

Я знаю, что никуда этот злой дух не денется и не денется... Просто Олаф будет стараться сдерживать его сильнее... Так уж он устроен – беспрерывно воюет со всем и всеми, постоянно

сражаясь с собой... Пока не появился я, у него оставался излишек сил, не истраченных в сражениях с врагом и снежной пустыней... Тогда он рушил, чтоб сражаться с этими разрушениями... Но теперь у него есть я... Я забираю у него эти кошмарные силы вечными бедами, без которых у меня не обходится и дня... А теперь, когда скингеры стали опасней без коррекций системы и нам стало тяжелей охотиться, он из-за меня просто выбивается из сил... Ему тяжело. Я очень рад, что теперь с нами этот офицер, – ведь нет людей совершеннее, чем офицеры... И сейчас мне становится спокойно до отупения... Я с глупой улыбкой смотрю, как капитан подбирает шинель, педантично очищая от пыли и набрасывая на плечи... Он еще не совсем остыл после борьбы, ему еще душно, но красные черты на его щеках гаснут... Сейчас он откроет нам ментальную линию – офицеры же редко вспоминают про голос...

– Ты – Ханс. Я помню. Я понял, что этот охотник – Олаф – не жалеет силы зверя. Но что значит – “Зверь”?

Я вернул офицеру оружие, протягивая клинки в ножнах и португееи еще дрожащими руками...

– Есть воины с силой зверей, а есть... Олаф обладает другой силой – страшнее... Он призывает не только силу, но и дух зверя... Он становится духом снежной пустыни – Зверем, приходящим с грозой...

– Ментальный оборотень высшей ступени. Таких я еще не встречал. Солдаты системы до такого состояния редко доходят – вернее, им редко позволяют до такого состояния доходить. Он – преступник. Я вижу. А ты не такой. Так что с тобой? Ты недоделанный?

– Недоделанный... Мою память не полностью загрузили...

– Я так и понял. Отлично, один – без контроля остался, другой – без знаний. Но это исправимо. Я порядок установлю.

Олаф не выносит, когда с ним в таком тоне... Но я сдержал его, и он только вздернул плечами...

– Я здесь порядок устанавливаю.

– Ты – рядовой боец, я – ротный командир.

– Теперь мы все – вольные охотники. И все здесь – мои охотники.

– Так было раньше. Теперь командование принял я. Называй меня Фламмер. Не задавай вопросов, не требуй ответов.

Я понимаю, что не могу скрыть ужаса, застывшего на моем лице... Нет, с Олафом так нельзя... Но офицер не обращает никакого внимания на его суженные глаза, словно окованные стальными доспехами...

– Фламмер! Вы что, пожарище здесь устроить решили?! Что ж, посмотрим, кто останется на пепелище! Вы что, еще схватиться собрались?! Что ж, ваши клинки Ханс вам вернул! Посмотрим, кто окажется правее с оружием, надежней которого здесь нет!

– Нет времени. Меня будут искать. Надо уходить. Ты, Ханс, пойдешь и пригонишь мою “стрелу”. А ты, Олаф, соберешь все, что нужно. Сейчас. А не сдержишь ты себя в руках, боец...

Олаф посуровел, но скрепил волей беспокойный дух. Он понимает, что Фламмер просто привык так, что он – офицер... Ему нужно время разобраться в происходящем... Он еще не знает, что это – охота на снежных зверей... А как только узнает...

– Нам нужен охотник, Фламмер. И я буду терпеть ваши замашки. Но только до времени – только до охоты. На охоте вы погибнете, не следуя моим указаниям, и погубите нас.

– Я охотился на скингеров.

– Вы охотились не так, как мы. Вы ходили на скингеров с защитой, с бойцами и с техникой системы. Вы не знаете расправы этих тварей. Не прекратите вы считать себя командиром всегда и везде – я разделаюсь с вами. И у меня не будет другого выбора. Я не возьму вас такого с нами на “жгучие луга” снежных зверей.

– Исполняй приказ.

– Вы даете приказ идти, но понятия не имеете, куда. Вы не знаете, как нам скрыться от “воронья” системы. Их поисковая техника поднимется в небо, она будет искать нас – фон наших мыслей. И она найдет нас, “увидит” с высоты – она “увидит” наши мысли.

– Я не рассчитаю вам схемы пересечений. Но укрытие найду – вне зоны поиска.

– Таких укрытий нет.

– Мы не пересечемся. Мы уйдем под землю.

– “Вороны” найдут нас и под землей. Нет таких подземелий, где они не достанут нас.

– Они не обнаружат нас в закрытых шахтах.

– Шахты?

– Это шахтерская база, боец. Здесь мы будем скрыты. Ища таких, как мы, разведтехника не снижает высоты в бурном небе территорий Штормштадта. Мы исчезнем для нее, когда спустимся в шахты, выйдя из ее зоны восприятия.

– Разведчики найдут нас, стоит им спуститься.

– Они не опустятся до нас, боец, – мы простые преступники, спасающиеся от них, прячась, как крысы. Мы, как крысы, забьемся в углы и щели – и нас, как крыс, не найдут.

– Я сделаю все точно так, как вы сказали, Фламмер. Только, не повинуюсь вашему приказу. Я просто сделаю, что велит разум. Дайте Хансу схему с подробными указаниями, как вывести из строя разум вашей “стрелы” – иначе она не подчинится нам.

– Вы оба знаете, как это делать, – вы делали это.

– Мы делали это грубо. Нам нужны точные схемы разума. Обозначьте и центры связи, и системы слежения. Не жалейте теперь тратить на нас силы и время, капитан. Иначе мы пожалеем потратить их на вас. А без нас вы здесь – в снежной пустыне – и часу не продержитесь.

Офицер остановил твердый взгляд на Олафе, скрепляющем бунтующий дух с тяжким трудом.

– Я знаю, что один в снежной пустыне не продержусь, боец. Поэтому отпускать от себя теперь я буду только одного из вас, а другой – всегда будет оставаться со мной.

– Да пошел ты, капитан!..

Красные полосы гнева угрожающе разгорелись на скулах офицера, когда глаза Олафа налились тяжелой ртутью.

– Пошел ты! Что стоишь, “зверь”?! Оружие собирай! И ты, пошел, звереныш недоделанный! И чтоб никаких отклонений от схемы!

Я растерянно посмотрел на Олафа, когда офицер замахнулся на нас искрящим хлыстом... Олаф, сжав зубы, принял удар на руку, закрытую напульсником, но офицер пустил разряд, шибанув его током. Я ошеломленно замер, а Олаф перехватил хлыст, резко одернув офицера, пустившего очередной разряд. Мне стало совсем жутко, но я все же сообразил, что теперь они друг друга насмерть загрызть не намерены, а просто так оспаривают и устанавливают права. Я очень хочу, чтоб этот офицер послушал Олафа, ведь Олаф ему не уступит... Но, похоже, и Фламмер уступить не намерен... Они же оба считают правыми только свои решения... И они оба знают, что здесь, в снежной пустыне, с правом принимать решения передается все – все жизни, все смерти... Именно поэтому здесь так жестко с выбором командира и, вообще, – с доверием. Командир всегда стоит впереди один, под пристальными взглядами, ищущими его слабость, и тени которой нет места во главе отряда здесь, в ледяной пустыне... Так уж заведено... Так делаем не только мы, но и снежные звери – все, кто обитает здесь, в вечной зиме...

Я еще раз взглянул на Олафа, ожидая его распоряжений. Я же еще не знаю, кому мне подчиняться...

– Олаф, ну так что мне делать?

– Иди. Он дельно распорядился. Но не думай слушать остальные его распоряжения. Я решу, что делать дальше.

– Тогда я пошел?

Олаф, не сводя взгляда с офицера, утвердительно кивнул мне, разрешая идти. Мне не хочется уходить, но надо... Страшно оставлять их вдвоем, только делать нечего... Остается лишь надеяться, что они оба понимают, как нужны друг другу, и помнят об этом – что не забудут об этом... Фламмер головы вроде не теряет, хоть и способен призывать эту проклятую силу воинов Хантэрхайма... Да и Олаф... Олаф, просто, истратил часть сил... Мы ведь давно живем впроголодь – у нас ведь давно нет других охотников, а без отряда теперь охотиться так тяжело...

Запись №4

Я скрутил Фламмера, когда он неосмотрительно отослал “спутника” вперед и сошел со “стрелы” побродить в снегах в отдалении, отдыхая от длительного перелета. Мне тогда не до его машины было. А теперь... Теперь я осторожно подобрался к этому месту, скрытый в сверкании ледяной пыли шкурой снежного зверя... Я не вошел в зону ментального восприятия еще ждущей Фламмера “стрелы”. Она меня не засечет. Правда, и мой излучатель не засечет ее ментальный фон. Он точной наводки не возьмет и параметры цели мне автоматом не выдаст. Придется задавать все настройки вручную. Но это просто. Я спокоен, зная, что сделаю все правильно и не промахнусь. Ведь оружие – единственное, что я знаю хорошо. Но я все держу “стрелу”, сложившую крылья и спустившуюся к самому насту, под прицелом – мне не хочется так сразу разрушать ее сложный разум... Я ведь могу столько у нее узнать – у этой машины... Ясно, что нельзя, что это опасно, но...

Я вдруг понял, что целюсь слишком долго, и опустил оружие. Но времени совсем нет, надо кончать с этой машиной и возвращаться. И вообще – с ней надо кончать скорее, а то, чего доброго, она меня заметит. Но мне так не хочется ее портить... Мне вообще ничего портить не хочется. Я хочу, чтоб всегда молчал холодный ветер, чтоб не жег мороз и солнце, чтоб мы не знали их жестокости, не знали голода и злобы... Но Олаф все время твердит мне, что не узнав голода, мы не узнаем злобы, а не узнав злобы, мы узнаем голод... Вот и выходит, что нам необходимо пройти через эти мученья – ведь только узнав их, мы обретем силы преодолеть их. С этим я согласен – знать нужно все это... Только я не считаю, что преодолеть это все можно только злой силой. Я думаю, что добрые силы злым – не уступают... Я в этом уверен. И я стараюсь все делать с добром. Правда, у меня никогда не выходит. Всегда Олаф налетает на мои промахи вооруженный злом и всегда попадает в цель этим злом, как клинком, разрушая все, что я пытаюсь выстроить добром. Но в итоге все равно получается не так плохо, как хочет он, хоть и не так хорошо, как хочу я.

Я уверен, что должен стараться и дальше – и, рано или поздно, у меня получится. И пускай Олаф, убежденный, что без оружия не добиться и не отстоять правды, считает, что добро безоружно, что добро, обращенное против зла с оружием, – это такое же зло... Я с ним не согласен – добро это добро, зло это зло – просто, они спорят, так же крепко, как дружат. Прямо, как мы с Олафом. А что без оружия правды не достичь – это верно. Просто оружие у всех разное, как и силы. Мы живем, пока сражаемся, и сражаемся, пока живем, – так твердил это неукоснительное правило Олаф, так я заучил его: как закон. Жизнь – вечная война со смертью, война за время – ведь смерть, в конце концов, всегда разбивает противника. Сколько бы рекрутов жизнь не готовила для армий, вступивших в эту войну, – смерть косит их всех. Но жизнь, сраженная смертью, сразит смерть, умерев. Их нет друг без друга. Время этой войны истечет в один срок для обеих сторон. В этой войне не будет победителя и побежденного. Выходит всегда ничья. Ведь победителя чествует только достигнутая цель. А у жизни и смерти цель одна, общая, – просто воевать друг с другом за время войны. Они воюют, прямо, как добро и зло, – прямо, как мы с Олафом... Сложно нам с ним вместе опасности бескрайних снегов преодолевать, только порознь – никак невозможно... А вообще, преодолевать беды – этого недостаточно, их надо еще и претерпевать...

Мне бы очень хотелось, чтобы эта умная машина подтвердила мои размышления... Или опровергла бы их разумным доводом... Это не важно – важно только понять, что правильно, для кого, где и когда... Я с сожалением спустил луч, ударивший точно в цель. Фламмер дал мне действительно четкие схемы – наверное, он очень хорошо разбирается в технике – его “стрела” отключилась сразу, не послав охранникам системы данных о нападении и о повреждении. Осталось только подключить ее, загрузив ручное управление. Она же теперь не только мыслить не способна, но и исполнять команды, отданные в системе прямого управления разумом. Теперь работают лишь простые программы, заданные с панели управления. Но я не трачу время – и так потратил лишку – берусь за штурвал... “Стрела” разводит крылья, набирая высоту, и сводит их, набирая скорость... Только ветер свистит... Но и он сейчас замолкнет, перекрытый защитным полем.

Олаф с Фламмером встретили меня, объединенные досадой ожидания. Но я рад, что их хоть что-то объединило. Хоть сейчас Олаф отнял руки от ножен из этой жутко обтертой шкуры.

Они молча бросили мне вьюки. Я даже со “стрелы” сойти не успел, как они влетели в седла и... Мы рванули резко, но не на двор, как я привык, а в темный коридор... Фламмер летит впереди и

тормозит только у закрытых дверей, размыкая их короткими кодами, заданными с панели управления. Эта база брошена, но не отключена, вернее – отключено здесь все, кроме дверей. Мы с Олафом взломали лишь ворота и входы в зал через коридор. Конечно, мы взломали не коды, а двери. Мы просто вскрыли их лучевым резаком. Резак – ключ от всех дверей, но на него надо тратить энергию, которой у нас особо нет и брать которую нам особо неоткуда. Вот мы и открыли только три двери, вот я и рассматриваю теперь еще не виденные мной объекты базы... Вообще эта база от других не особо отличается – бесчисленные коридоры и переходы разделяют казармы армейских штурмовиков и бойцов службы безопасности, лаборатории и промышленные комплексы ученых и рабочих. Все, как везде. И пусто – никого... Даже отключенной техники нет – забрали. Но мы спускаемся все ниже по шахтам остановленных подъемных площадок заброшенных заводов. Здесь коридоры становятся длиннее, потолки ниже, распорки чаще, а перегороженные отсеки встречаются реже... А после того, как Фламмер провозился особенно долго с воротами, замкнутыми тяжелыми створами на полу и размеченными предупреждающими полосами, как крылатые осы, – мы просто понеслись вниз... Аж сердце замерло...

Я не привык к изломанной закрытой и душной темноте – ведь снежная пустыня простирается ровным свечением до горизонта, позволяя разгоняться на просторе всем ветрам. Здесь все давит на меня... Я думал, что нет ничего более бесприютного, чем ледяная пустыня, но теперь так не думаю. Олафу здесь тоже не по себе. Один Фламмер в этом глухом подземелье, как в своей норе. Он тихим ходом вошел в тоннель, уверенно ведя нас еще дальше, еще ниже – в, блекло освещенные нашими одноглазыми машинами, пещеры... А кругом в полумраке что-то звенит, отзываясь гудению двигателей, что-то неровно мерцает впереди в свете прожекторов... Как звезды на ночном небе... Но это – только потолки и стены... Это сломы камней... Здесь и распорки, и перекрытия – все припорошено блистающей в прожекторном свете пылью... Наши машины поднимают эту пыль, осыпаящую блеском и нас... От этого мне становится веселей, хоть я и начинаю кашлять. Все же везде не обходится без красоты, когда присмотришься. Мне очень хочется поковырять ножом эти разноцветные проблески, но Фламмер никак не останавливается.

Мне начало казаться, что мы сейчас покинем пределы короба базы, – так низко мы спустились... А за стенами короба, за полями распорок и перекрытий – только вечная мерзлота, прогрызшая эти бедные земли чуть ни насквозь... На этих землях корни Иггдрасиля изъедены старым змеем и мертвы... Так объясняет этот вечный холод Олаф... Я, конечно, знаю, что это произошло из-за внедрения в недра планеты, из-за смещения орбиты и перестройки гравитационных полей солнечной системы... Но думаю, и без змея здесь не обошлось – ведь так думает Олаф... Я уже решил, что скоро мы спустимся так низко, что увидим этого змея – уже приготовился испугаться, как при виде каменного тролля на вершине горной гряды... Но мы влетели в пустой темный зал, и Фламмер наконец остановил “стрелу”. Он сошел с низко опущенной машины и, засветив фонарь, пошел вперед, в узкий проход. Олаф неохотно последовал за ним. А я... Я не удержался и отбил синий камень, рассматривая его на свет. Мне кажется, что в нем горит огонек – когда на него светишь... Надо его разбить и посмотреть, что внутри... Но он такой прочный, что царапает лезвие ножа... А здесь есть и еще такие – с огоньками... И они, кажется, заряжаются от моего фонаря, светясь, когда я его отключаю... До того, как я их осветил, они вообще не светились, а теперь – сверкают и тогда, когда я гашу свет...

– Ханс, я тебя ждать не стану!

Только, нагнав Олафа, сурово сдвинувшего брови и мрачно глядящего исподлобья серебрянными глазами, я заметил выстроенные рядами плиты, зависающие невысоко над полом... Ими заставлен весь этот обширный зал, отгороженный от других... Фламмер, не долго думая, бросил шкуру на одну из плит, и рухнул на спину, закладывая руки за голову... И шкура, и офицер парят теперь над плитой в полном покое, близком ко сну... Фламмеру здесь совсем не жутко, когда у меня каждый волосок на голове дыбом встает... Но он вообще – бесстрашный... Он и решительный, и умный, и добрый... Как я рад, что с нами теперь такой офицер... С ним и мне совсем не страшно. Жаль, что Олафу он изначально пришелся не по душе. Теперь Олаф будет его проверять, а Фламмеру придется доказывать, что он такой – честный и отважный... Ему нужно

будет потратить уйму сил, только чтобы опровергнуть предвзятое мнение о рабочих... Олаф не оставит его в покое.

– Фламмер, это что еще такое?!

Офицер не удостоил Олафа и взглядом, смотря прямо и неотрывно в круг рассеянного фонарного света на достаточно высоком для этого места потолке... Я тоже посмотрел – среди распорок в тусклом свете горят россыпи искрящихся камней...

– Фламмер! Рано отдыхать собрались! Не дам я вам в дреме парить, когда нам снаряжение разгружать надо! И что это за булыжники, над которыми вы с этой тяжелой шкурой летаете, как перышко?!

Олаф встал над разлегшимся перед ним офицером, сложив и крепко сжав на груди руки. Олаф очень настойчивый, он будет требовать объяснений, пока не получит. А получит он их точно – Олаф все получает, он умеет... А я, пока они разбираются, еще один камень отломаю – этот, красный, с огоньком внутри... И зеленый, конечно... и тот, и этот... Но только я собрался отколоть прозрачный кристалл, Олаф метнулся ко мне и перехватил мою руку...

– Ханс, не трогай! Они ж горят, как звезды! Пока он не объяснит, что здесь, – не трогай ни одного горящего камня, ни одного летающего булыжника!

Фламмер, видимо, переведя дух, поднялся с летучего ложа и подошел к нам – серьезный и спокойный...

– Пусть делает, что хочет, – он не навредит.

– Что здесь, что это за место, Фламмер?!

Офицер безразлично пожал плечами...

– Это секретный объект.

– Теперь не секретный! Теперь вы нам его открыли! Привели нас сюда, так выкладывайте все, что знаете, про это место!

– Хватит и того, что я вас сюда привел.

– Фламмер, вы больше системе не служите!

Опасный жар бросился в лицо офицеру, но быстро отступил...

– Я и врагам системы не служу.

– Фламмер, ясно, что не высок здесь уровень секретности! Этот объект оставлен без наблюдения, и доступы к нему едва перекрыты! Хотя что-то сказать вам этот уровень секретности позволяет! Учтите, что мы здесь не останемся, не зная, что это за место!

Фламмер еще раз пожал плечами – подумал и развел руками...

– Раньше здесь создавали камни, подобные настоящим, – не просто похожие, а неотличимые. Здесь получали камни, воссоздавая условия их образования в дальнем космосе. Но, когда война осложнилась, эти разработки забросили. Шахты закрыли, и все пришло в запустение. Здесь не осталось опасной техники и вредоносных излучений. Так что мы не ограничены в действиях. И надзора службы безопасности нам опасаться не следует.

– А что излучают эти летающие булыжники?

– Не имеет значения, Олаф. Они безвредны для нас.

Олаф заносчиво вскинул голову, разозленный такой скупостью на объяснения... А я еще раз убедился в благородстве этого офицера, который начинает восхищать меня все сильнее... Вот бы и мне стать таким, как он, – все знать, уметь об этом и поведать, и промолчать... Я не выдержал и протянул Фламмеру горящие на моей ладони звезды...

– А что это за камни, капитан? Если не секрет, конечно...

Фламмер низко опустил голову, обдумывая ответ...

– Эти кристаллы давно не используют в технических целях. Но прежде они применялись для создания разума первого порядка.

– Для разума совершенных “защитников”?

– Для старых “защитников”. Не таких, как сейчас, Ханс. Такие машины создавались системой до приведения в действие модели приостановки прогресса. Тогда наши технологии рвались вперед с сокрушительной для нас силой и энергией. Мы стремительно летели с ними к катастрофе, к концу. Но мы сумели приостановить их, отказавшись от них. Мы остановили эти разработки и

вывели из употребления эти технологии. Остались только их блеклые тени, в которые мы стараемся не вступать. Старые “защитники” были кошмарными машинами, знающими и могущими практически все, угрожающими нам этим неподвластным нам могуществом.

- Значит, у меня в руках всемогущий разум этих страшных машин?
- Нет, Ханс. Эти кристаллы не хранят памяти – они чисты и безвредны.
- А им возможно дать память?
- Я не сделаю этого.
- А вы можете?
- Я не сделаю этого.
- Но вы можете...

Олаф вдруг впился суженными глазами в погоны офицера, пристально вглядываясь в коды подразделения...

– Вы программист!

Фламмер молча кивнул и вернулся на застланный шкурами одр, снова рухнув на зависшую в воздухе постель и устремив взгляд в потолок...

– Фламмер, вы какие программы писали?!

Офицер постарался игнорировать Олафа, но не вышло... Олаф все же очень настойчивый.

– Я занимался защитными системами.

– Какими?!

– Разными. Я долго служил режиму.

– Какими, Фламмер?! Защиту применяют ко всем системам – к разумным и к неразумным.

– Изначально я занимался защитой разума – точнее, технических единиц первого порядка. Но здесь эти мои знания бесполезны. В этой жизни возможно столкнуться разве что с разумом техники третьего порядка.

– Технические единицы первого порядка на практике – универсальны, как офицеры S12. Они относятся к определенному подразделению только за счет уточняющих задач, а так – они способны на все.

– Верно, Олаф, они способны к работе во всех подразделениях системы.

В глазах Олафа взметнулись холодные всполохи хищной жадности, но он погасил их сразу – я один заметил их...

– Зная все о разуме первого порядка, – вы знаете все о разуме машин.

– Нет, не все. Я только контролировал заводскую технику, строящую высший разум. Я знаю о разуме машины столько, сколько знает врач о разуме человека – это ограниченные знания, переданные нам офицерами научных подразделений. Это они знают разум, а мы его только строим и чиним, следуя их схемам и указаниям.

– Но вы знаете их схемы. Пусть вы не можете разработать программу нового разума, вы можете прописать программу – старого. Сделайте нам машину, подобную “спутнику”.

– Я знаю программы техники, служащей порядку, Олаф. Я не смогу сделать машину, служащую преступнику. Для этого нужны существенные поправки в программе.

– Разберетесь.

– Нет, это опасно – трогать такую сложную структуру, как разум “спутника”, без полного знания дела.

– Захотите жить – отрегулируете мозги “спутника”, которого мы возьмем у системы, как вас!

– Вы оба сделаете все, что прикажу я. И хватит бунтовать, Олаф.

– Я вас в покое не оставлю, пока вы делом не займетесь, как мы! Довольно вам прохлаждаться на этих летающих ледяных глыбах из космического мрака, не знающего и первого инеистого великана, Фламмер!

Олаф с раздражением пнул сапогом зависшую в воздухе каменную плиту... Но она его пинку не поддалась, ничуть не сдвинувшись... А Фламмер только смерил его безразличным взглядом, приподнимаясь на локте над ложем из парящих шкур...

– Ты совсем увяз в легендах, боец. Это просто старые хранилища с остатками энергии.

– И что в этих сундуках?!

Вместо ответа Фламмер, в очередной раз покидая парящий одр, подключил панель управления одной из плит, оказавшейся не запертой никаким кодом, а просто закрытой. Он без труда разомкнул плиту, разошедшуюся и открывшую россыпи разноцветных камней... У меня в голове поплыло... Я не знаю, отчего я так люблю все блестящее, но я не могу оторвать ослепленных цветным сиянием глаз от этого сокровища... Я запустил в груды огоньков руки и стал пересыпать их, смотря на хрупкое мерцание, слушая тихий перезвон... Эти камни рассыпались из моих рук, но не упали, а зависли возле хранящего их сундука... Я развел их руками, и они разлетелись по держащему их полю – совсем как звезды... Но Олаф заставил меня оторваться от осколков камней для возни с горелкой. Здесь не так холодно, как на ветреных пустошах, но все равно... Ведь все эти объекты вмурованы в вечные льды и стальные камни этих выстуженных земель. На нашей планете с давних пор нет ничего, кроме пустынь, – выжженных солнцем или скованных льдом... Есть, правда, узкая лесная полоса с озерами и ручьями, есть широкая тундра с застуженными мхами и степь с подгорелой травой... Но это далеко. У нас вообще бедная планета, отчего и жестокая. Вот я и радуюсь, когда вижу что-то яркое и блестящее. Вот сейчас закончу с чадной горелкой, подключу все фонари и разбросаю все эти сокровища, чтоб радовали нас всех, сияя, не скупясь.

Запись №5

Я, запрокинув голову, лежу на шкуре, расстеленной поверх груды блистающих сокровищ, перетасканных мной из всех хранилищ всех этих пещер. Фламмер, привольно раскинув руки, отдыхает на покрытом шкурами одре. Только Олаф что-то делает. Он точит ножи и чистит ими ногти... Он делает все, что мне обычно не нравится, но сейчас я этого не замечаю, и нервы мои это не затрагивает. Я просто радуюсь, что они с Фламмером не ссорятся.

Олаф слил топленый жир в горелку, установив над дымным огоньком контейнер для топки нового обрезка жира, и мрачно уставился на чадный фитиль. Теперь стало так тихо и спокойно, что я и мечтать о таком не мог. Наконец, мы отдохнем от усилий, от страха... и от склок. Здесь мы скрыты – нам не страшны ни охранники системы, ни бураны снежной пустыни, ни эти кипятильники – скингеры... Здесь об этих опасных зверях напоминает только потрескивание опущенного в жир фитиля и клубящийся над горелкой дымок... Сейчас Олаф поджарит нарезанное кусками мясо этих зверей, которым ничего не стоит сжечь охотника излучением, нужным им для создания “жгучих лугов” – лугов, протопленных скингерами среди снегов для мхов, растущих только в этих местах... Вот зашипел, стекающая в огонь кровь... Потянуло жареным... Я теперь не обращаю внимания, что душно, я привык к этой вентиляции... Мне даже нравятся эти, не выстуженные морозом и не разогнанные ветром, запахи... Я хочу есть и спать и радуюсь, что скоро смогу сделать и то, и другое... Только Олаф что-то не успокоится никак...

– У нас припасов, считай, не осталось. На охоту скоро пойдем. Переждем три дня еще и выйдем.

Фламмер, вдруг нахмурившись, поднялся с зависшего в воздухе ложа.

– Нет. Не пойдем.

Олаф, сверкнув холодными глазами, отложил прут с насаженным на него недожаренным мясом... Он встал перед Фламмером, напряженно сжав кулаки...

– Надо идти. К этому времени вас искать перестанут.

Фламмер неожиданно взвелся... Чего доброго, опять вспылит... Но с чего это он?..

– Нет, Олаф.

– Мы с голоду помрем.

– Не топи жир для горелки – в пищу пойдет. Я знаю, что вы к сырому мясу привыкли – без этого здесь никак. Туши огонь – без него обойдемся.

– Нам здесь одних шкур не хватит – без горелки мы ночью промерзнем.

Я окинул взглядом наше прибежище... Этот зал обширен, но Олаф отгородил отсек, снятыми с хранилищ, плитами. Ему пришлось поломать голову над панелями управления опустошенных хранилищ, но он все же установил плиты щитами, отражающими тепло, – теперь здесь мы, как в пещере, опутаны теснотой, оплетены мглой и окутаны теплотой... Только из щелей дует,

напоминая о стуже, царящей вне нашего прибежища... Сейчас Олаф прав... Я не понимаю, отчего капитан протестует...

– Капитан, нам без горелки тяжело придется...

– Нет, Ханс. Я подключу отопление блока объекта.

Олаф задумался...

– А это возможно? Энергосистема отключена давно, она, верное дело, неисправна.

– Объект не поврежден – неисправно здесь может быть только то, что я смогу починить.

– Так и правда хорошо получится. Нам хорошо бы здесь выждать дольше. А энергии хватит?

– Резервной энергии достаточно на поддержание простейших функций объекта в течение суток. Перераспределив энергию объекта, я обеспечу трое суток. Я обеспечу еще сутки, забрав энергоблоки ненужной нам автономной техники объекта – хранилищ, дверей и перекрытий.

– Энергию и с других объектов забрать можно...

– Заберем. Тогда мы сможем находиться здесь недели.

Олаф с напряжением всмотрелся в разгоревшиеся глаза офицера...

– Неделю протянем, а после – надо на охоту идти... Придется. Иначе оголодаем так, что просто не сможем зверя забить.

– Нет, мы добудем все, что нужно, – здесь.

– Это как?

– Через эти тоннели мы подойдем к складам.

– К складам системы? К подключенному и охраняемому объекту?

– Мы пройдем.

– Фламмер, мы не пойдем в набег!

– Пойдем. Мы справимся и без отряда.

– С отрядом или без – мы этого не сделаем!

– Мы сможем.

– Сможем или нет – мы этого не сделаем! Мы не грабим объекты системы, Фламмер!

Офицер опалил нас взглядом, заставив меня вскочить, обливаясь холодным потом...

– Капитан, мы так серьезно систему не грабим... Просто, это же не правильно – грабить...

Олаф настойчиво отстранил меня...

– Мы не грабим систему. Просто, стоит нам сделать это, – нас начнут искать так, что найдут. И тогда с нас три шкуры сдерут – с каждого!

Когда Олафом не правит Зверь, он осторожный. И он прав – здесь, в ледяной пустыне, без осторожности нам не обойтись. Мы и не по своей воле рискуем постоянно – вот и стараемся по своей воле не рисковать... Но Фламмер, полыхающий пожаром, и слушать ничего не хочет. Он серьезно собрался в налет. Наверное, эта уверенность в удачном исходе такого крупного грабежа обоснована – он же вовсе не безрассуден... Я остановил, потянувшегося к истертым ножнам, Олафа – я уверен, что у этого офицера есть убедительные доказательства его правоты... Нам просто нужно набраться терпения и выслушать его доводы.

Запись №6

Долгое и упорное противостояние ничего не дало ни Олафу, ни Фламмеру. Офицер не дает Олафу сказать ни слова про охоту, а Олаф ему – ни слова про набег. Вот они и стоят молча друг против друга. А я – думаю. Я пытаюсь сообразить, что же лучше – охота или набег? Идя на охоту, мы рискуем, сражаясь со зверями, а идя в набег, – сражаясь с охранниками системы. Конечно, преследование системы опаснее, но... Просто, при хорошо спланированном набеге не надо никого убивать – никого, кто не враг... Ясно, разное бывает – на пути кто попадется или еще что... Но на охоте обязательно и точно надо убивать... А я так не люблю убивать...

– Капитан, а что это за склады такие?..

Фламмер ожег меня взглядом, но, поняв мой вопрос, остыл... А вот Олаф рассердился – он запустил руку в волосы и вздыбил их, сбрасывая на лицо, закрывая ими вбирающие грозовую мглу глаза...

– Ханс, мы не пойдем на склады.

– Давай хоть узнаем, что он предлагает, Олаф... Может, он что дельное выдвинет?..

Олаф отвернулся, позлился, помолчал и собрал шнуром волосы, открывая стальной взгляд, наставленный Фламмеру в лоб.

– Не знаю, что вы надумали, но мне ваши мысли не по душе. Объясните мне для начала, почему вас только что так заботило сохранение секретности не особо нужного системе объекта, а теперь вас не тревожит ограбление необходимого системе склада?

Фламмер разжег красные полосы тревоги на резких скулах...

– Я сжег все мосты. Теперь я поступаю только так, как считаю нужным я. Довольно охот. Довольно смердящих шкур и чадного жира. Мы можем взять все, что пожелаем, – и возьмем. Но не у зверей, а у системы. Я знаю систему.

Олаф взвился ветром, но в его глазах блеснул не обычный для него холодный огонь, это – горячий голод. Его обуяла жажда наживы, как обуревают его порой жажда крови... Но никогда его хищный взгляд не избавляется от проблеска холодного расчета, а разум – от тени осторожности. Он и теперь потребовал точные карты и четкие схемы... И Фламмер предоставил ему все, что нужно...

Я вообще очень рад всему, что происходит... Рад, что Олаф с Фламмером взялись за дело сообща, забыв про раздор. Еще рад, что загляну на склады системы, и вообще – на действующую базу. Я не стал вникать в их обсуждения – они все решат и скажут мне, что надо делать. А сейчас с меня хватит и того, что я знаю. Эта база закрыта и оставлена бойцами системы, но отключена ими только частично. Не работает один мозг объекта, а энергосистема – работает. Это очень хорошо – объект не увидит и не заметит нас, не опознает нас, как чужих. Он просто откроет нам двери, когда офицер введет известный ему код, – нам даже двери срезать не надо. А главное – объект не охраняется. Он только под наблюдением. Конечно, этот объект снабжен достаточно сложными системами защиты... Но Фламмер заявляет, что без труда отключит их. Об этом, ясное дело, узнают охранники системы, но Фламмер утверждает, что они сочтут подобное отключение простой поломкой, а не взломом. Выходит, что перед их проверкой, мы успеем взять все, что захотим, беспрепятственно уйти и спокойно скрыться. Никто и не узнает, что это сделали мы, и никто не станет искать нас как грабителей. Еще и разведчики, которые просматривают территории с высоты, нас не заметят – мы же придем из подземелий, из этих заброшенных шахт. Лучше и не придумаешь, как все сошлось. Я и поверить не могу, что мы заполучили специалиста, долгие годы работающего с системами защиты техники... Ему об этих установках известно столько, что мне и представить сложно... В общем, радость расправляет легкие крылья у меня за спиной. Я, конечно, не хочу становиться мародером, но это лучше, чем умирать или убивать с голода...

Запись №7

Скоро нам выступать... Скоро Олаф должен меня разбудить, но я и так просыпаюсь... Просто, россыпи моих несметных сокровищ очень жесткие и колючие – я проснулся раньше времени именно из-за этого, но другого ложа я теперь не хочу. Поблекшие в темноте камни пересыпаются под моими руками таинственными шорохами и туманно отблескивают в отсветах одинокого фонаря – прямо, как болотные огни... Правда, именно эти обманные огни завели меня в болото – еще тогда, когда меня только подключили и отправили в бой, в леса Штрауба... Тогда командир послал меня куда-то, и я – пошел... Олаф мне объяснил, что меня послали в разведку, но тогда я не знал, куда меня послали, и я просто пошел куда-то, чтоб командир не орал... Я путался в тумане, в дымке, в огоньках, понятия не имея, что творится вокруг меня, а кругом скрывались враги и простирались болотные топи... Под вечер воду сковал тонкий лед и припорошил снег... Я было совсем завяз в подмерзшей трясине, но как раз встретил других солдат... Не таких, как Олаф и его охотники, которых я встретил после, – простых дезертиров и мародеров... Только тогда я еще не знал, что они – дезертиры... Я не знал, что и я – дезертир... В общем, я так и не разобрался еще – плохие или хорошие у меня ассоциации с этими таинственными и зыбкими огоньками... Они напоминают мне о том, что я ничего не знаю, но еще и о том, что мне очень хочется все узнать... Я же не видел еще ничего, кроме зимы... Здесь же зима вечная, а в Штраубе... Я бродил на

территориях Штрауба совсем недолго – и только зимой. Но можно считать, что я краем глаза видел конец осени – ведь, когда меня подключили и отправили в бой, было начало зимы...

Я вдруг ясно вспомнил все, что было тогда... Вспомнил, как я тогда сильно замерз, – кажется, что сильнее, чем здесь, в ледяной пустыне Хантэрхайма... Никак не могу понять, в чем дело: ведь здесь стоит зверский мороз, но кажется, что зимой в Штраубе холоднее... А вообще я знаю... Просто, здесь – сухо, а в Штраубе – сыро. Сырой холод зол – он всегда долго тянет тепло и заставляет долго мучиться... А сухой мороз просто жесток – он скор на расправу. Такой мороз обжигает, отнимая мученья стылым сном и скорой смертью. Надо же, я разобрался с этим – это радует...

Я зарядил посаженный фонарь и включил свет, рассматривая камень – так, чтоб не разбудить Олафа и Фламмера... Только в прохладном свете фонаря я увидел их не спящими.

– Олаф... А что это вы?.. Снова спорите?..

– Ты спи давай, а мы разберемся.

– Вы снова что-то не поделили?.. Но ведь все так хорошо шло...

Олаф дернул плечами и запустил руку в волосы, вздымая их. Не знаю, зачем он это делает всегда, когда старается соображать скорее, – ведь его волосы не становятся антеннами для улавливания чужих мыслей, стоя торчком... Они вообще никак ему не помогают чужие мысли прочесть... И вообще – волосы для мысленной связи никак не нужны и не пригодны. Они, кажется, ни для чего не пригодны... Но нам зачем-то их делают... А биопрограммисты системы ничего не делают просто так – без нужды... А, знаю – это для сохранения тепла... И, может быть, просто – для красоты, для парадов... Надо же, я додумался и до этого... Как хорошо...

Я потянулся, растягивая связки и расталкивая еще сонные мысли... Здесь тепло – Фламмер подключил отопительную систему блока объекта... Только я собрался поделиться со всеми своей радостью, как Олаф оборвал мою утреннюю улыбку очередным резким жестом...

– Нет, я не понял, Фламмер!

Офицер, откинувшийся на парящих шкурах, досадливо закатил глаза и вообще – закрыл их...

– Не сейчас. Сейчас мне нужен сон.

– Мы четко обусловили срок, Фламмер!

– Час ничего не решит.

– Нам нельзя терять время! Сейчас обстоятельства стыкуются с нашими расчетами! Но одному часу под силу обрушить наши планы! Война приближается к северной пустыне! Вы должны знать, что это за собой влечет! Вам должно быть известно, что с каждым днем эти территории контролируют жестче – и “вороны”, и воины системы!

– С каждым днем, но не с каждым часом, Олаф.

– Когда на этих территориях объявились диверсанты Хакая, главком стал поднимать в небо северной пустоши истребители Хантэрхайма!

– Война еще достаточно далеко. У нас еще есть время для покоя.

– На прошлой неделе я видел их – “белых медведей”! Роттер поднял в воздух тяжелые истребители! Это значит, что у него полно причин опасаться нарушения границ этих территорий!

– Он делает это не для врагов, Олаф, – для друзей. Ты отстранен здесь от политики, от данных о конфликтных ситуациях. Ты не знаешь, что наш главком ожесточил холодную войну с главой союзных войск.

– Я вообще не знаю, что у нас еще и холодная война идет!

– Полным ходом, Олаф. Снегов провел в Центральном штабе резкую смену высшего офицерского состава, что вынудило Роттера показать силу. Но Снегов не остановил захвата власти, несмотря на наши предупреждения. Он продолжает подавлять готовых свергнуть его высших офицеров и генералов Совета устрашением и просто – устранением. Армию он подчинил, теперь подчиняет войска службы безопасности. Наши командиры стараются не позволить ему установить безграничную власть над державой, становящейся для нас опасностью одного ряда с сопротивлением Хакая.

– Выходит, главкомы грызутся, а Хакай не упускает возможности воспользоваться временем передела их власти! Теперь ясно, как ему удастся засылать диверсионные отряды на территории

мерзлых пустошей, далеких от зоны боевых действий! Так он скоро откроет фронт, отвоюет прежние границы! И он пойдет дальше, и он продвинется дальше! Он заберет земли и у Роттера, который занял высших офицеров своих войск угнетением власти Снегова, и у Снегова, который занялся истреблением высших офицеров своих вооруженных сил для становления своей власти! Я не стану ждать, когда истребители взлетят и над Ивартэном, и над Ясным, и над Небесным! Я стану грабить сейчас! Пока еще есть подход к складам, пока с них еще есть, что взять!

– Не сейчас, Олаф. Позже. Не шуми.

– Но все прахом пойдет!

– Сказал – не сейчас, Олаф.

– Вы что мне голову морочите?! Вам что, просто рискнуть захотелось?! Забаву в войне и грабежах нашли?! Хотите по лезвию пройти?! Посмотрим, как вы захотите пройти по моему клинку! Посмотрим, как вы поймете, наконец, что мы с риском не играем! Мы пойдем на риск, но только за необходимыми припасами, а не за адреналином!

– Мне не нужны острые ощущения. Мне их и сейчас достаточно. Успокойся, Олаф.

– Вы что, благородством мучаетесь?! Не забывайте, что грабеж предложили вы! Не забывайте, что вы решили пойти на него! Поздно угрызаться совестью и отступить, прячась за законы режима!

– Я решил пойти против порядка режима и пошел. Я сделал это, когда сохранил тебе жизнь, Олаф, – когда остался с вами. Теперь у меня не осталось другого выбора, кроме как идти до конца. А теперь замолчи. Я просто хочу спать. Не буди меня.

Я, с трудом продирая глаза, встал с сыплющейся груды сияющих сокровищ... Но сон, как рукой сняло, когда Олаф взвился ветром и в его руке сверкнул клинок...

– Олаф, да постой ты злиться!.. Что такое?! Что случилось?!

– Что?! Я не знаю?! Нам выдвигаться пора! А он! Он спать хочет!

– Олаф, не трогай его – пусть спит, раз ему надо... Он же сказал, что позже все сделает...

– Он позже все под угрозу срыва поставит! Мы после его спокойного сна жизнь под угрозу поставим, как горло под лезвие! Мне бы такие нервы железные, как у него! Всю ночь не спал – думал, как пройти, как скрыться! А он – прохлаждается! Ему, что “вороны”, ищущие наш след, что враги, рыскающие в поисках бреши в обороне системы, что истребители, крушащие крепости порядка, – все одно!

Нет, Фламмер не прохлаждается – он просто горит яростью, отвечая на первые всполохи молний Олафа... Офицер рванулся к стоянке, где оставил “стрелу”, застегивая на ходу шинель и портупей...

– Что стоишь, боец?! Ты меня разбудил! Теперь я тебе спать не позволю!

Олаф ринулся вслед за офицером, и мне пришлось поторопиться... Я побежал за ними, схватив оружие и портупей, с неясной радостью...

Запись №8

Я и опомниться не успел, как мы ветром пронеслись по темным шахтам, узким тоннелям и широким подземным трассам... Олаф еще не разрешал мне летать на такой скорости под землей, и теперь полет кружит мне голову... Вокруг нет ничего, кроме космической тьмы, – только звездный огонек “стрелы” далеко впереди... Просто, он не приближается, как звездный свет, хоть я и перешел на предельную для подземелий скорость, – мы же все летим на предельной скорости... Мне еще никогда не было так привольно и весело. Все-таки Фламмер – лучший наш соратник из всех, что мне помнятся. Надеюсь, что скоро он станет и нашим беспорным командиром.

Не знаю, почему Олаф так напряжен и мрачен – ведь Фламмер ничуть не встревожен, а горит решимостью, как ясным пламенем, озаряя нас жарким огнем. Мне вообще стало казаться, что Олаф просто настроен против него, из-за упрямства не желая уступить ему вполне заслуженное главенство. А я уверен, что Фламмер заслуживает подчинения. Он не только офицер, который и создан для того, чтоб подчинять, – он умный и знающий. Я ведь вообще не образованный, а Олаф давно скормил все свое образование диким зверям и охотникам. У него в голове одни старые легенды, спутанные с тенями физики, химии и математики... Мне иногда так сложно отличить эти

легенды от правды... Общась с Олафом, трудно понять, что он не на самом деле оборотень... Я не знаю, должен ли я считать, что страшный дракон на самом деле грызет корни великого ясеня Иггдрасиля... Я совсем запутался – особенно с того времени, когда встретил каменного тролля на высочайшей вершине горной гряды... Кто знает, бродят среди стылых скал альвы или их и быть не было, когда каменный тролль стоит на вершине и смотрит на Хантэрхайм... и исчезает, замечая людей... Но теперь я уверен, что Фламмер объяснит мне, что есть что... Только я об этом его попрошу после того, как покажу ему тролля, которого по данным ученых системы нет, но который стоит на вершине и смотрит на Хантэрхайм... Нам с Олафом обязательно надо узнать, что этот тролль делает в наших горах, – ведь этот тролль для нас с Олафом страшнее всех остальных бед, пока мы не знаем, что ему нужно в наших местах... А вдруг он пришел охотиться на нас?.. Тогда мы должны сразиться с ним... А мы не знаем, как с ним сражаться, – с этим, словно высеченным из скал, великаном, могущим таять в воздухе, словно снег в руке...

Я решил не обращать внимания на суровость Олафа – офицер ведь так же ясно горит уверенностью, и я вовсе не волнуюсь. Я и не думал, что на грабеж идти так легко и радостно, – это же обычно очень сложно и опасно. Только с Фламмером набеги – одно удовольствие. Надеюсь, и охота с ним так же удастся. Сейчас мне пришлось лишь постоять у закрытых дверей и войти в них, когда они открылись.

Фламмер подключил свет, и темнота отступила перед просторной чистотой... Я никогда не видел такой сияющей чистоты – разве что в снежной пустыне...

– У нас на все час.

Олаф, видно, все равно решил уйти, как получится, раньше – он все так же напряжен и взвинчен, несмотря на то, что Фламмер остыл и, вообще, – стал спокойным, как... Я еще не видел никого и ничего спокойнее него – и сравнить не с чем.

– Фламмер, вы куда? Нам только на склады нужно.

– Нам нужно еще и в сектор высшего состава.

Олаф нахмурился...

– В главный центр управления объектами?

– Да. Там я подключу обогреватели для воды.

– Для какой воды?!

– Для горячей воды, Олаф.

– Нет, я не понял!

– Только там мы можем мыться горячей водой, Олаф.

– Мыться?! Вы что, сумасшедший?!

– Я офицер, Олаф, – я должен соответствовать статусным стандартам и следить за соответствием моих солдат.

– Статус?! Стандарты?! Забудьте об этом! Нам здесь не до чистоты!

– Соблюдать правила порядка и принуждать соблюдать их – мои обязанности.

– Да вы что?! И не думайте настаивать!

– Вам следует подчиниться.

– И не ждите!

Лицо Олафа скривилось такой надменностью, что офицер с трудом пресек закипание...

– Я призову вас к порядку. И применю силу, когда это потребуется.

– Похоже, это потребуется прямо сейчас!

Я растерялся, и в голову снова полезли мысли, что я не знаю, что делать, но вскипающий офицер внезапно успокоился.

– Сейчас у меня нет времени принуждать тебя принять человеческий облик. Иди на склады сразу. Но учти, позже я намерен сделать из тебя человека. И начну с того, что счищу с тебя эту сажу.

– Это не сажа – это засохшая кровь, Фламмер!

– Не имеет значения. Иди. И возьми мне сигареты.

– Сигареты?! Может, вам еще и спирта прихватить?!

– Да, возьми.

– А стимуляторы?!

– Возьми в инъекциях.

Олаф взвился, хватаясь за ножи, но я сдержал его, хоть и растерялся страшно...

– Вы что, на стимуляторах, Фламмер?!

Фламмер спокойно отстранил Олафа...

– Войска системы не обходятся без этого в военное время.

– Вы к вооруженным силам не относитесь!

– Нам всем иногда необходимы тяжелые стимуляторы и снотворные.

– Нет! Я не допущу этого! Охотники не должны разгонять и тормозить разум химикатами! Отвыкайте от этого, начиная сейчас же! Привыкайте управлять разумом при помощи воли! Или снежные звери сожгут вас при первой встрече!

Офицер опалил Олафа, показывающего непокорность всем видом, таким пламенем, что Олаф, с давних времен враждующий с огнем, отступил на шаг...

– У тебя есть час, есть списки необходимых нам вещей и есть коды доступа к нужным нам частям объекта. Иди, Олаф. И не отклоняйся от списка.

Олаф схватил меня за руку, дергая за собой, но Фламмер его остановил.

– Один из вас всегда будет со мной. Вам от меня теперь не уйти. Делай, что я говорю, Олаф, – так будет лучше для всех. Бери со склада энергоблоки, оружие, снаряжение, продукты и медикаменты, требующиеся вам и указанные в списке мной. Для нужной мне техники отдельный список. Иди. Я проверю.

Я отпрянул от Олафа, когда увидел в его глазах злой взгляд Зверя... Но он сдержался, понимая, что сейчас не время, – ведь Фламмер достаточно жестко придушил меня, перекинув локоть мне через шею...

– Держи свою силу в руках, Олаф. Я знаю твою слабость. Делай, что я говорю.

Олаф молча метнулся в сторону, отбросив только тень Зверя, будто отрезанную от него одной из дверей в этом бесконечно длинном коридоре... А я еще не знаю – радостно мне, что Олаф послушался офицера, или горестно, что офицер схватил меня... Еще не понимая, негодовать или пугаться, я скинул с шеи руку Фламмера...

– Вы что это так?.. Так нельзя, так не правильно...

Офицер молча взял меня за плечо и повел по коридору, держа крепко, что и не вырваться... Я возмутился, но он схватил меня еще крепче...

– Я знаю, Ханс, что это не правильно. Но удержать его я могу, лишь угрожая ему смертью.

– Моей смертью?..

– К сожалению так, Ханс. У нас сейчас нет времени для разъяснений с ножами. Здесь не место для кровопролитного спора.

– А для горячего душа время и место найдется?..

– Я нашел время для необходимой чистоты, и его нельзя спускать попусту – иначе просто подцепить опасную инфекцию.

Я очень обрадовался – я знаю, что возможность вычиститься выпадает крайне редко... Только радость омрачила мысль о том, что...

– Инфекцию?.. Но у нас нет никаких инфекций – здесь, на севере, их никак нет...

– Они всегда и везде сопутствуют человеку и зверю – передаются от слабого к слабеющему. Они поражают слабеющего и спят, ожидая окончательного отключения его защиты, а после – просыпаются и захватывают его всего. Страшнейшие наши враги – вирусы. Они скрытно проникают в наше тело – их сложно найти, опознать и сразить. С вирусами сражаемся все мы – все время. И, как от каждой схватки, мы – устаем. От усталости мы – теряем силы и терпим поражение. Мы решаем задачу так: не даем врагу-вирусу собрать в грязи армии и атаковать нас превосходящими силами – мы действуем на опережение, соблюдая чистоту. Я обязан провести дезинфекцию – обработать и Олафа, и его звериные шкуры, пусть и в принудительном порядке.

– Не трогайте Олафа... Олаф считает, что мы без этого должны обходиться, – без обработки со всякой заразой бороться...

– В таких тяжелых условиях вам всей “заразы” своими силами не подавить.

- Олаф считает, что, полагаясь на чужие силы, мы потеряем свои силы.
- От борьбы с тяжелыми болезнями вы обессилите так, что – умрете. Человек подобен государству – он способен уничтожить не только внешнего, но и внутреннего врага. Его организм защищен надежно. Служба безопасности человека сражается не только с открытым, но и со скрытым врагом – находит и стирает каждый чужой код, посягающий на сохранность человека. Но человек не каждый раз так силен, что служба безопасности справляется с вражескими атаками. Тогда вирус – главный внутренний враг – внедряется в ДНК и вредит человеку. Тогда человек – умирает. С такой смертью сражаются специальные препараты. Ты понимаешь?
- Не думайте, что я... Я понимаю... А Олаф – он не поймет...
- Поймет или нет – он сделает то, что я от него требую. Я не позволю ему стать опасным для всех.
- А кто они – вирусы?..
- Совершенные существа, находящиеся на рубеже живого и неживого. Простейшие коды, строящие себя и передающие информацию о построении себе подобных.
- А мне казалось, что они – сложные...
- Они сложны своей простотой. Они первые и последние.
- Что это значит?..
- С похожих РНК началась жизнь, на них – и кончится.
- Они всех убьют и только тогда умрут?..
- Они останутся и тогда, когда не останется никого и ничего иного. Когда настанет конец, они уснут, ожидая начала, – перехода на следующий круг.
- Они никогда не погибнут?..
- Погибнут нескоро – тогда, когда не дождутся. Так или иначе, они погибнут – последние. Как мы – люди.
- Как мы?..
- Мы учились у них и уподобились им – с нашими технологиями мы стали сильнее. Когда они сложны простотой, мы – просты сложностью. Мы не уязвимы.
- И губительны?..
- Да, Ханс. Либо все уничтожаем мы, либо все уничтожает нас.
- Мы губительны для всего?.. Тогда – губительны и для себя?..
- Да. Нас всех контролирует окружающее, уничтожая нас чужими или нашими же руками. Когда человека не губит старость, шторм или зверь – человек губит себя.
- Но мы же разумны... мы же можем контролировать и себя, и все вокруг...
- Разум только отчасти заменяет нам контроль окружающего – мы устанавливаем законы, подчиняясь законам. Мы не можем изменить мир, не меняя себя, и не можем изменить себя, не меняя мира. Нарушение закона – карается смертью.
- Смертная казнь – кара досрочной смертью...
- Да, Ханс. Мы гибнем быстрее, когда быстрее губим.
- Из-за этого система старается остановить разрушения?..
- Да. Укреплением власти и усилением влияния мы вызвали ускорение времени. Теперь время наступает на нас, отесняя к Пустоте, с растущей скоростью и силой. Теперь мы вынуждены сражаться с ним, останавливая и ослабляя его.
- Но время никак не...
- Мы подчинены ему, как солдаты – генералу. Только и оно подчинено нам, как генерал – солдатам. Мы – его армия. Один солдат слаб, а армия – сильна. Мы – сильны. Сильна система.
- А...
- Сражаясь с ним, мы сдерживаем его – время. Отправляя наши войска на войну, оно прописало нам правило – сражаться надо сражаясь с собой, а сдерживать надо – сдерживая себя. Вступив в войну, мы не сразились с собой и не сдержали себя. Тогда оно строго осудило нас. Теперь оно нас карает. Теперь у нас нет выбора – мы можем сражаться только с ним и сдерживать только его. Чем сильнее наше сопротивление, тем жестче наш приговор, но нам нужна – отсрочка.
- А нельзя просто жить и терпеть невзгоды?.. Можно же просто жить...

– Мы не можем просто жить – мы сложные. Как ты можешь думать о таких вещах, солдат?
– Я не солдат... Я просто – человек с оружием...
Офицер внимательно всмотрелся в меня...
– Ты не ведешь войну со временем?
– Нет... Просто живу...
– И время у тебя словно совсем не идет?
– Да нет, идет...
– И ты терпишь это?
– А что же мне еще делать?..
– Ты не думаешь о нем? Не думаешь сражаться с ним?
– Я думаю, о том, что рад, капитан...
– Рад?
– Рад, что могу узнать что-то... И еще, что могу, наконец, отчистить грязь... Мы же все в саже и... Я же год не мылся... Сколько живу, столько и не моюсь... А чистим мы все только снегом... А крови снегом не оттереть...
– Тебя подключили год назад?
– Целый год...
Он отпустил мое плечо, строго глядя мне в глаза...
– Ты не уйдешь?..
– Куда?..
– Я отпущу тебя, если ты пообещаешь не уходить с ним – с Олафом. Если пообещаешь никуда не уходить без меня, Ханс.
– Конечно я никуда не уйду... Вы же не думаете, что я?.. Вы не верите мне?.. Я же... Я не нарушаю слова и не бросаю в беде... Это же не правильно, капитан...
– Да, Ханс, это не правильно. Я верю тебе, не беспокойся. Иди вперед.
Но я не перестал беспокоиться – мне все кажется, что он мне не верит...
– Капитан, не думайте, что мы с Олафом такие подлые и беспринципные...
– Я не думаю, Ханс.
– Мы не бесчестные... Мы от нашего слова не отступались – ни разу... И не отрекались от нашего охотника – никогда... Мы на такую низость не шли и не пойдём...
– Ясно, Ханс. Иди.

Я вздрогнул, когда он снова схватил меня за плечо, но он только остановил меня, указывая дорогу... Мне сразу стало спокойней – он мне все-таки доверяет... Я так хотел заслужить его доверие... Я же ему совсем недавно руки скрутил... А Олаф вообще... У Фламмера полно причин для недоверия... Но мне он – доверяет.

Запись №9

Трудно поверить, что теперь я смогу согреться – ведь я так давно мерз среди бескрайних снегов... Я стою на месте, ничего не делая, а тепло заливают мои плечи тонкими искристыми струями... Я и забыл, что согреться можно и без тяжкого труда, и без особых усилий. Нам ведь среди бескрайних снегов и холодных ветров согреться так тяжело. А холод отбирает у нас тепло, достаемое нам с таким трудом, как только мы устаем и прекращаем сражаться с ним. Мороз – он наш противник, бьющийся с нами, или покоритель, собирающий с нас оброк. Холод не дает нам спокойно отдохнуть или уснуть... А мне так хочется отдохнуть... Я же и не помню, что спал в теплой постели и ел горячую пищу... Я помню только холодный лес и снежную пустошь... А мне так хочется упасть в объятия постели, еще укутанным этим теплом, сохранить это тепло до утра... Хорошо бы еще выпить что-то горячее... А еще – я совсем голодный... Но теперь с нами офицер, способный открыть, давно запертые для нас, двери системы... Теперь я уверен, что дары системы для нас не остались в одном только прошлом... или в одних только мечтах...

Жаль только, что это долгожданное тепло стягивает шрамы на моей груди веревками... Но это не больно – только гадко... Это еще ничего – хуже было, когда они чесались, заживая... эти корки

от ожогов, которые Олаф запретил мне сдирать, и вообще, – трогать. Это было не страшнее, чем боль, но гораздо противней... Мне вообще всегда мешают эти шрамы, сплошь заполонившие мою грудь и плечи... Но сейчас я стараюсь не думать о них, думая только о потоке парящей знойным маревом воды... Я купаюсь в воде, как в солнечных лучах...

Я осторожно провел рукой по белоснежному умывальнику, и он скрипнул в ответ на мою улыбку, отраженную всеми замутненными зеркалами... Моя рука сжалась на корпусе блестящей хромом машинки, но я никак не могу решиться запустить ее в волосы... Фламмер мне помог, бесцеремонно окружая меня светлым ореолом, летающих в жарком пару ровно срезанных волос. Машинка весело гудит, подражая осиному рою... Наверное, именно такое лето в Штраубе – жаркий мар и осы... Я не видел их, но знаю, что они есть, – эти зверушки, жужжащие крыльями... Я очень рад. И Фламмер, видно, доволен. Еще бы, ведь он теперь сияет чистотой, как его сапоги и пряжки, на которых сухой очиститель не оставил ни пылинки. А что нам еще нужно для счастья?..

Но офицер не дал мне ощутить всецелого счастья, его взгляд остановился на моих ожогах, и глаза разгорелись гневом...

– Это он тебя так – Олаф?

– Нет, что вы... Это снежный зверь... которого, правда, Олаф сильно разозлил... Но после он лечил меня – Олаф... Если бы не он, я бы...

– Ты бы не получил этих ожогов.

– Я бы все равно их получил – только в другое время и в другом месте, капитан. Я же ничего не знаю заранее, как вы, – мне всему приходится учиться на месте. А вы же знаете, что нельзя не обжечься, учась на своих ошибках, а не на чужих...

– Знаю.

– Чтоб учиться на чужих ошибках, нужно быть очень умным и очень знающим – знающим эти чужие ошибки...

– Верно, чтобы так учиться, нужно быть умным. Вся тяжесть такого обучения приходится на разум, а не на тело. Но ум и знания – разные вещи, хоть и способствуют друг другу.

– Разве разные?

– Без ума ты не возьмешь знаний, даже если бы тебе их и дали, а с умом ты возьмешь их, даже если бы тебе их и вовсе не дали. Ты не глуп, Ханс. Ты недолго будешь учиться на своих ошибках – ты способен учиться на – чужих.

Я остановил изумленный взгляд на его отражении в замутненном жаром зеркале, но он отвернулся, светя мне в глаза погонями, погасившими его опознавательные знаки...

– Вы действительно так считаете?..

– Ты думаешь, что мы умнее тебя, но это не так. Просто нашу глупость прячут знания и порядок.

Я обернулся к нему – к этому гордому офицеру, стоящему так твердо и прямо, блистая всем, что только может блистать...

– Но вы же строите крепости, в которых создаете людей... и зверей... и весь этот мир...

– А ты знаешь, из-за чего мы этот мир – строим?

– Нет, капитан.

– Из-за того, что мы его – разрушили.

Я было открыл рот, собираясь спросить... Но вспомнил, что офицеру открыта моя ментальная линия... Я вспомнил про ментальную линию, но забыл, что собирался спросить... И я ничего не спросил, а стал рассматривать в зеркале свое незнакомое отражение – я давно не видел свое отражение, особенно – такое чистое... Теперь и моя форма мне подстать – отчищенная и отглаженная... Но я отпрянул от замутненного зеркала, когда из него на меня сверкнули хищные глаза Олафа...

– Ханс, ты что сделал?!

Я, оторопев, повернулся к нему...

– А что я такого сделал?.. Я просто отчистился от этой коросты – от засохшей звериной крови и копоты костра...

– Нам нельзя делать это средствами системы, Ханс!

– Но другими средствами этого вообще нельзя сделать... Другими способами этого просто не отчистить, Олаф...

– Мы привыкли к холоду, голоду и грязи!

– Я не привык, Олаф...

– Ты жив – значит, привык! Нам нельзя привыкать к теплу, чистоте и обильной еде! Это ослабит нас. Это погубит нас, Ханс!

– Олаф, но так жить хорошо – сытым, согретым...

– Так жить нельзя! Начнешь жить так – не сможешь жить иначе!

– Но я не хочу жить иначе, Олаф...

– Хочешь или нет – придется!

– Фламмер сделает так, что не придется, – теперь мы с ним, а он все наладит...

– Ханс, сейчас мы сильны, мы можем жить везде и всегда! Нам нельзя ослабнуть! Тогда мы сможем жить только здесь, только сейчас!

– Мы всегда и везде так живем – у нас всегда и везде есть только “здесь” и “сейчас”...

– Но у нас есть силы идти дальше, идти вперед! А выберем мы такую жизнь – мы ослабнем! Нам не хватит сил идти в будущее! Нам не нужно все это, Ханс! Мы не зависим от этих вещей, как солдаты системы! Мы так выносливы, что свободны!

– Олаф, свобода для нас стала рабством – мы не отходим от нее ни на шаг, будто мы у нее на цепи...

– Ханс, свобода не безгранична. Быть свободным – не значит делать все, что в голову придет. Это значит – принимать осмысленные решения и действовать, исходя из них. Ханс, все имеет цену у смерти, и нам нельзя прогадать, торгуясь с ней. За такую жизнь ты заплатишь ей своей силой. А отдав ей силу, мы отдадим ей жизнь! Наши силы надежны, Ханс, – только на них мы можем полагаться уверенно! На чужие силы рассчитывать нельзя!

– Олаф, но солдаты системы не слабее нас, хоть они не тощие и не промерзшие, как мы...

– Это все только видимость силы!

– Какая ж видимость...

– Это не настоящая сила, Ханс! Солдаты системы не выдержат суточного перехода через снежную пустыню, когда у их техники кончится энергия! Они будут задыхаться и выбиваться из сил, когда мы будем идти и идти! Никакие тренировки в просторных залах не заменят перехода по снежной пустыне! Этот выхолонный офицер не протянет без нас и суток, пока не станет таким же тощим и промерзшим, как мы! Пока у него не останется одной только чистой силы без этой видимости, которую он тащит лишним грузом!

– Олаф, ты не сердись, но мы становимся сильнее, когда хорошо едим.

– Я ж сказал, что это видимая мощь! Ее хватает лишь на короткий рывок! Солдаты системы сильны только с отрядом, только с оружием! А мы! Мы и с одними клинками способны разбить их отряд – перебить их солдат, разъединенных буранами, обезоруженных излученным злом снежных зверей! Только нас северные ветры не собьют с ног! Только наши клинки не подведут нас при столкновении со снежным зверем!

– Но борьба с холодом и сражения на ножах забирают у нас силы... Я просто устал и хочу передохнуть...

– Нельзя! Терпи меньшее зло – тогда будешь в состоянии сразиться с большим!

Фламмер, все это время сурово молчавший, подтвердил кивком слова Олафа... Мы же не отключили его ментальных линий, и он все слышал... Мне от этого стало страшно, но он только помрачнел...

– Он, в общем, прав, Ханс, – во всем. Только он чересчур категоричен.

– Но я хочу стать таким, как вы...

– Скоро я стану таким, как вы с Олафом, Ханс, и тебе не придется стараться уподобиться мне.

– Но вы же не хотите этого?

– Ханс, я достаточно прошел, чтобы осознавать и контролировать желания. Мы не можем получить всего сразу. Получая одно, мы лишаемся другого.

– Но как же так... Ведь можно просто и хорошо жить...

– Просто и хорошо – нельзя. Нам приходится выбирать что-то одно.

Я, опешив, повернулся к нему, потом – к Олафу...

– Олаф... Но мне нравится горячая вода и еда, я давно хотел...

– Нет, Ханс, я тебе и мечтать об этом не позволю. Это пагубные мечты. Я взял все, что нужно. Пошли.

Я было совсем расстроился, что нам придется так скоро уйти, но не успел – Фламмер, настойчиво обхватив мое плечо, спокойно отстранил Олафа. Офицер повел меня через высокие коридоры в светлые залы, и Олаф, сверкая глазами зверя, затаившего зло, пошел следом... Он пугает меня, но Фламмер не обращает на него внимания...

– Пойдите, капитан...

– Идем, я покажу тебе мозг, управляющий этим объектом.

– Он сейчас отключен?..

– Да, Ханс. Я не стану его подключать. Только возьму его память, хранящую нужные мне данные.

– Возьмете его память?..

– Да, Ханс. Я сделаю копию. Так, чтобы об этом не узнали. Тогда я рассчитаю схемы пересечений с разведтехникой системы.

Я такому счастью и поверить не могу... Жаль только, что Олаф затмевает свет темнеющей злобой, как грозовые тучи перекрывают солнечные лучи...

Как только Фламмер, занятый мозгом объекта, отпустил меня, меня схватил Олаф...

– Идем скорее, Ханс. Идем со мной.

– Нет, Олаф, он еще не закончил...

– Ханс, ты что, не понял? Теперь ты его пленный. Теперь мы оба – его пленные.

– Нет, Олаф... Просто, он... Он просто...

– Соображай же, Ханс.

– Олаф, а ты чего ждал?.. Ты на него нападаешь, он – защищается...

– Он защищается, закрываясь тобой, как щитом.

– А что ему еще делать?..

– Это бесчестно, Ханс.

– Наоборот – благородно... Он не хочет пускать в ход ножи и старается обойтись щитом... Фламмер не хочет твоей смерти, Олаф, он хочет только твоего повиновения... Ты себя сам сдерживать не можешь, приходится ему тебя сдерживать...

– Дурак ты.

– А он сказал, что я не дурак.

Олаф запустил руки в рассыпанные по плечам волосы, собирая их в длинный хвост... Теперь исподлобья на меня взирает – Зверь... Он хватает меня и тащит прочь, хоть я и сопротивляюсь...

– Олаф, оставь меня...

– Я убью его.

– Олаф, но ведь с ним мы не будем голодать... С ним нас не найдут “вороны” системы... Тебе нужно только подчиниться ему...

– Я не подчинюсь ему, Ханс.

– Перестань, Олаф... Он хороший командир... Он делает все, что нам нужно... Просто, он еще не все наши правила знает... Он не знает, что он свободен только от правил системы, что у нас тоже есть правила, что их надо соблюдать так же жестко... Ты же ему не объяснил...

Олаф вдруг остановился, отпустив меня...

– Он прав, ты не дурак. И ты прав, я ему правил не объяснил.

– От этого он и поступает периодами так, что нам его поступки не ясны... А вообще посмотри, как он нас выручил...

– Верно, Ханс. Я дам ему время утвердиться, и мы посмотрим, как он этим временем воспользуется. Я не стану усложнять ему задачу, и мы увидим, как он оправдает наши надежды. Справится – станет нашим командиром.

Запись №10

Олаф упорно считает, что очищает нас только снег, а кормит только кровь снежных зверей. Так что мне от него неслабо влетело за чистку без учета его правил. Олаф хранит им верность всегда и везде – для него они и в мыслях неотступны. Он не оденет чистой формы, не острижет волос, не станет спать в постели и есть вилок из тарелки, хоть сули блага, которых свет не видал, хоть угрожай неведомыми ужасами. Я это понял и теперь его не трогаю, стараясь не нарушать его строгого наказа. Но отчаянным пирам он не противится, с радостью терзая яства ножами и швыряя кости крысам. Он утверждает, что это нам не навредит. И правда, такой пир нас никак не разнежит... А наоборот – закалит... Это не так просто – пировать, как мы... Такой пир еще выдержать надо... А пируем мы уже...

Мы третьи сутки пируем так, что и Олаф забыл про злобу, накормив Зверя до отпада и напоив до пьяна... Я окинул чуть протрезвевшим взглядом россыпи камней, блистающих среди разбросанных на полу шкур, уставленных снедью, истыканной ножами... Хорошо... Я снова наполнил кубок жгучей водой и скоро я снова отрублюсь... А перед тем, как отрубиться, я не пожалею энергии и выжгу белым лучом на каменной стене еще один рисунок... Мне нравится смотреть на скингеров и охотников, сражающихся на стенах и потолках... Я упал на спину, и соколовища разлетелись брызгами вокруг меня... Фламмер, пошатнувшись, плеснул в воздух из бутылки и упал рядом еще до того, как нас окатило холодным спиртовым дождем... Эта прозрачная, как вода, жидкость холодит и жжет одновременно, как мороз снежной пустоши... От нее крылатая радость уносит меня куда-то вкривь и вкось – в это сияющие звездами небо... Нет, это подсвеченный прожекторами свод шахты слепит мне глаза разноцветными переливами камней... И я, невесомый, лежу в их осколках, будто лечу в северном сиянии...

Олаф, весело смеясь, метнул очередной клинок в круглый пирог, висящий в воздухе, в невидимом поле, и выхватил из круга очередной кусок...

– Капитан, Хансу не наливайте! Довольно ему! Он слетит сейчас с этой груды щебня!

Фламмер отнял у меня бутылку, глотнул из горла и зачерпнул из кучи горсть камней, рассыпая их на груди разноцветными блестками...

– Щебень, Олаф?! Эти кристаллы – сверхпроводники! А эти камни – они просто драгоценны! Когда-то такой камень был дороже такого бойца, как ты! В прежние времена, имея этот “щебень”, мы бы смогли заполучить всю армию системы!

– Всю армию?!

– И службу безопасности!

– И “воронов”?!

– Всех, кто черпает жизнь из жажды наживы, становясь наемниками желаний! Всех, кто не умирает за идею, становясь рабами страха смерти! Их всех, Олаф!

Я в изумлении взглянул на них, плывущих у меня в глазах с радостным смехом...

– А зачем вам все это?.. Зачем вам армия?.. Зачем вам служба безопасности?..

Фламмер рассмеялся, растрепав мои остриженные волосы...

– Армия, чтобы контролировать службу безопасности, а служба безопасности, чтобы контролировать армию, Ханс!

– Но зачем вам это?..

– Чтобы властвовать!

– А зачем властвовать?..

– Чтобы прославляться!

– Ну а это зачем?..

Олаф бросил мне кусок пирога, который я не поймал, и тоже рассмеялся...

– Ханс, власть дает свободу, а слава – силу!

– Власть, как и слава, влечет за собой столько тягот, что в итоге дает столько, сколько забирает... Ты же мне это объяснял, Олаф...

– Счастье во славе и власти обретают лишь желающие их! Власть и слава хороши, только когда их хотят! Ты их не хочешь! Ты не поймешь, Ханс!

– А почему не пойму?.. Потому, что я боец Штрауба, а не Хантэрхайма?..

– Нет, Ханс! Просто не поймешь!

– Но почему, Олаф?..

– Ты не тщеславный!

– Да... Но ничего, когда-нибудь и я смогу стать тщеславным, как вы...

Фламмер поднял на меня светлые глаза, разожженные огненной водой...

– А зачем тебе?

– Чтоб узнать, что это такое, чтоб понять, как это – быть тщеславным и хотеть все армии системы...

Они решили вместо того, чтоб мне хоть что-то объяснить, посмеяться надо мной... Но я не обиделся – я рад, что они теперь смеются вместе, а не дерутся друг с другом... Ведь я никогда не встречал никого лучше них...

Олаф лихо забросил очередной пирог в поле, где с начала нашего пира зависла просто куча разных вещей... Меня чуть не тошнит от этих сладких ягод, на которых Олаф просто помешался... Он замучил меня этим красным сиропом, замурованным в хрустящей золотой корке, распечатывая один диск за другим... Но теперь он кинул этот диск особенным образом... Теперь пирог – только мишень, наколотая на улавливатель ножей, на консервный контейнер...

– Скингеру в глаз!

Он метнул нож точно в цель и взял за лезвие следующий клинок... Фламмер палящим взглядом впился в меткий кинжал... Он пристально следит, как дыры в пироге обретают контурные очертания снежного зверя... Острые клинки выбивают на диске силуэт скингера, достаточно похожего на настоящего... Олаф выдернул из контейнера ножи и выхватил из поля пирог, соединяя дыры глубокими и тонкими надсечками, доделывая “зверя”... Он подал готового “скингера”, текущего ягодным сиропом, офицеру... Фламмер подбросил “зверька” вместе с клинком и поймал нож с насаженным на лезвие “скингером”, совсем потекшим и поломанным... Встав тверже на груди сокровищ, офицер одернул сбившуюся шинель и покривившиеся ремни... Его первый клинок просвистел в прогретом нашим смехом воздухе... Я с любопытством смотрю, что он сделает с очередным пирогом...

– Это “ворон”!

– Верно, Олаф!

“Ворон”, вырезанный острым кинжалом в образе обычного офицера в длинной шинели, истекая темным сиропом, соскочил с острия ножа прямо Олафу в руку... Олаф сжал кулак, поднося ко рту раздавленного “охранника системы”...

– Дай нож и мне, Олаф!..

– Ханс, какой тебе нож, когда ты напился так, что на ногах не стоишь?!

– Я стою, нормально...

– Нет, Ханс, не стоишь! Это что еще такое?! Невнятно у тебя выходит!

– Не мешай...

Фламмер всмотрелся в мой пирог, приставив к глазам ладонь, но столбы прожекторного света все равно не дадут ему рассмотреть до того, как будет готово...

– Ханс, а действительно, что это?

– Это же вы с Олафом!.. Что, не похоже?..

Они смеются до слез, но я никак не пойму, над чем, – ведь похоже... Настолько похоже, насколько только может быть похож на человека в шинели и в шкуре кусок пирога...

– И кто это есть будет, Ханс?! Может ты нас и съешь?!

– Нет, Олаф... Я просто не подумал... Я придумал, Олаф! Я сохраню эти фигурки в контейнере! И мы сможем открывать его и вспоминать этот день!

Запись №11

Я дремлю и рассеянно слушаю их тихий разговор в голос... Я же редко слышу их голоса – мы обычно общаемся мысленно, опасаясь преследователей... Но сейчас Фламмер с нами, и все так спокойно...

Олаф уверен, что нам надо уходить, что надо отправляться на охоту, а после – вообще убираться с территорий Хантэрхайма... Просто, скоро у нас изойдет жир снежных зверей, сожженный на обогреве... Сейчас, когда офицер подключил объект, когда работает отопление и освещение, мы горелку не зажигаем, но нам предстоит охота и долгий переход с ночевками в снегах... После налета у нас энергоблоки штабелями сложены – энергии достаточно и для оружия, и для “стрел”, и для защитных полей... Но эту энергию мы израсходуем, а новую не известно еще – получим или нет... Без жира скингера нам никак не обойтись... Вот Олаф и завел речь про “жгучие луга”... Но Фламмер, как только Олаф об этом обмолвился, прямо, загорелся раздражением...

– Не нужно зловонных шкур и чадного жира. Я обеспечу необходимую энергию и настрою энергосистему любого объекта территорий Хантэрхайма.

– Нам в скором времени придется уходить с территорий Хантэрхайма. Война надвигается, контроль ужесточают – здесь скоро станет слишком сложно скрываться.

– Мы останемся. Я рассчитаю схемы пересечений с техникой контроля безопасности.

– Вам для этого четкие данные нужны. А перестройки на патрульных зонах становятся чаще день ото дня, да и патрульные зоны – шире. У нас не выйдет взламывать объекты и вскрывать их память так часто, как потребуется.

– Положись на меня. Я обеспечу схемы пересечений. Я сделаю “защитника” – он рассчитает их и без точных данных о перемещениях поисковой техники.

– “Защитника”? Вы же сказали, что и “спутника” делать не станете.

– Я сделаю “защитника” – он нам нужен.

– Об этом можно только мечтать. Он рассчитает патрули над “жгучими лугами”, где нас постоянно подстерегают. Да и охотиться с такой машиной значительно проще.

– Я же сказал, что налажу энергосистему любого объекта Хантэрхайма. Я обеспечу нас всем необходимым.

– Не можем мы везде энергосистемы подключать, Фламмер. Нас так найдут скоро.

– Я сделаю так, что не найдут.

– Мы и костры с оглядкой жжем, чтоб нас не заметили. Мы в голос редко говорим, мы под ясным небом при нужде только ходим.

– Я сказал, что все сделаю, Олаф.

– Опасно это. С горелкой надежней. Да и проще это – зверя забить.

– Мне проще подключить энергосистему.

– Может, вам “ворона” пристрелить проще, чем скингера?

– Не проще. Но и не сложнее.

Олаф, поднявшись на локте, взглянул на Фламмера с уважением... А меня его ответ как-то внезапно напряг... Но я никак не пойму, что не так...

– Тогда надо корпус “защитника” добыть. Возьмем машину у охотников Хантэрхайма, когда на “жгучие луга” двинем.

– Нет, возьмем с базы отключенную машину. Тогда я смогу заменить “защитнику” разум.

– Заменить? Я думал, что надо только стереть часть памяти, заставляющую его служить системе, и прописать память, заставляющую его служить нам.

– Я так и сделаю, но его память я перенесу на лучший носитель.

– Не на один из этих звездных камней?

– Именно. Наш “защитник” получит сверхпроводник и высшую скорость мысли.

– Просто слов нет, Фламмер! Но нам на ограбленную базу возвращаться нельзя.

– Пойдем на другую – дальше от Штормштадта.

– Пройти сложнее, чем раньше?

– Нет. Это – свалка отработавшей, но еще пригодной техники, не пущенной на переработку, а ожидающей худших времен, когда потребуется все, что не подходило прежде.

– Мы так целый отряд собрать можем.

– Нет, Олаф. Заберем одного “защитника”. Нам нельзя использовать технику, значительно превосходящую нас в силах, – это жесткое правило.

– Да, верно. Меня радует ваш ответственный подход к делу, Фламмер! Теперь я вижу, что заблуждался на ваш счет!

Я резко очнулся от дремы... Олаф признал этого офицера командиром... Но я почему-то этому не обрадовался... Просто, мне на плечи свалилась смутная тяжесть и неясная тревога закралась в душу... А в голове, как ножом прорезались линии связи всех вспышек и успокоений Фламмера... Просто, он делает все, только чтобы не идти на охоту... Снежные звери пугают его – до помутнения рассудка... И не они одни... Его страшит и Олаф... И охранники системы – он напуган и ими... И “защитник”, которого он собирается сделать, – он боится и этой машины... До меня вдруг дошло, что он... Этот офицер совсем не такой, как я думал, – не такой достойный и доблестный... Он способен побороть только слабейший страх, и только – столкнувшись со страхом сильнейшим... Уступая страху перед Олафом, он переступает страх перед охранниками порядка... А поддаваясь страху перед охотой, он преодолевает страх перед Олафом... И это – правда.

Эта правда меня, как камнем по голове ударила. Такое разочарование... Я же считал этого офицера – безукоризненным... А он... Похоже, Олаф правильно оценил его сначала, когда заявил, что этот офицер не создан для таких условий, для таких ожесточенных схваток со смертью... Смерть пугает его непреодолимо... Но как же так?... Он же хорошо сражается... Но при этом – он только кажется хорошим воином... Он вообще – не воин.

Я отвернулся к стене, чтоб они оба не заметили моей внезапной тревоги, которую я совсем не умею скрывать... Олаф не заставит офицера пойти на охоту – растерзает его, но не заставит... А Олаф растерзает его, стараясь заставить, – это точно... Он не признает офицера с его страхами, хоть Фламмер и способен обеспечить нас всем необходимым... Просто, пуще всего остального нам нужны снежные звери, дающие нам все, – защиту, энергию и огонь... А вместе с этим – и свободу... Их шкуры согревают и скрывают нас в снежной пустыне... И жир их светит нам огнем всегда и везде... И мясо их дает столько сил... Нет, Олаф не променяет снежного зверя на все дары системы... Он не променяет снежную пустыню на все объекты системы... Для него нет другого счастья, только – отчаянная свобода... Фламмеру от охоты никак не отделаться... Я знаю, что ему придется идти на снежного зверя, но что заставит его пойти, я не знаю... Он же согласился сделать опасного “защитника” – только бы не ходить... У меня по спине начал расплзаться зябкий холодок при мыслях об этой, еще не явленной свету, машине... Раз офицер собрался сделать эту машину из-за страха перед охотой и Олафом, об его ответственном подходе к делу и речи не идет... Я не должен допустить этого... Я должен всеми силами препятствовать этому... Но Олаф считает, что эта машина нам необходима... Надо ему рассказать... Нет, не выйдет – он просто убьет офицера... или офицер убьет его в приступе отчаянья, дающего ему силы и смелость... Как же сложно вышло... Что же мне теперь делать?... Я столько наворотил, что теперь и не разобраться...

От разочарования и горькой обиды на судьбу, одарившую меня умопомрачительными бедами, на глазах выступили слезы... Я совершенно не умею управлять всем, что захлестывает меня, – от этого еще горше... Я постарался незаметно отереть мокрые глаза, но слезы льются градом, и пресечь этого я никак не могу... Я же знаю, что в лучшем случае Олаф просто забьет и задавит этого гордого офицера... А он же гордый – Фламмер... Он же – офицер... Он так не сможет... Что же я наделал, скрутив ему руки и притащив в логово оборотня?..

– Ханс, ты что ревешь, как последний звереныш?

Олаф резко метнулся ко мне, так что я насилу удержался и не отпрянул от него, как от злого зверя... Он дружески положил мне на плечо руку, запачканную ягодным сиропом, так похожим на кровь... У меня по плечам разлетелся озноб...

– Ханс, ты что это? Так нельзя.

– Я знаю... Но я... Олаф, я не хочу...

– Что не хочешь?

– Не хочу, чтоб все было так...

– Тебя ж вроде все устраивало только что.

– Я хочу, чтоб всегда было так хорошо, как было только что... Я не хочу, чтоб это кончилось...

Фламмер подошел ко мне, взлохматил мне волосы и сел рядом... Но я увидел на его шее тень от ошейника и меня затрясло в ознобе еще сильнее...

– Этот день кончится, но начнется другой.

– Я не хочу, чтоб этот день кончался, Фламмер...

– Не хочешь, чтобы что-то кончилось, не кончай этого.

– Но как?.. Все равно все кончится – все...

– Все кончится. Но ты начнешь все вновь.

– Я не смогу, Фламмер... Я же таких простых вещей не могу...

– Ханс, мне кажется, ты просто перепил. Давай спи. А завтра я тебе сиропу налью.

Олаф, ухмыльнувшись, встряхнул меня – еще сильнее, чем озноб...

– Не видать тебе больше спирта. Нечего наше добро изводить. А то вон – все, что выпил, выплакал, как звереныш не доросший. Ты давай спи. Завтра уходим. “Защитника” заберем, оружие зарядим – все горе забудешь. Пора к охоте готовиться. Нам теперь не так тяжело будет – втроем. И с машиной еще...

Я в ужасе закрыл глаза и сжал зубы крепче, чтоб не стучали... Мне нужно срочно что-то делать, но мысли, как судорогой свело... Я не знаю, что делать... Я не смогу не допустить явления страшного “защитника”... Но хоть постараться спасти офицера от жестокости Олафа я должен. А спасти его я могу, только вынудив пойти на охоту, – напугав его так, что он пойдет и на снежного зверя, и на всякое иное чудище... Что же может перешибить его страх перед этими тварями?.. Что еще страшнее этих тварей?.. Я знаю, что страшнее. Только при воспоминании об этом и у меня мороз по коже бежит... Когда Фламмер увидит... Он полыхнет так, что ему огня на всю охоту хватит...

Запись №12

Я не заметил, как заснул и как проснулся... Голова раскалывается... и веки опухли, едва открывая глаза... Осмотрелся, стараясь разглядеть сквозь отяжелелые веки хоть что-то, и разглядел – “защитника”... Я не сразу понял, что эта машина делает, стоя у стены в нашем логове... Они что, ходили без меня?.. Они оставили меня спать и ушли... Но я отогнал обиду на них – не до этого сейчас... Что ж теперь, раз уж я не справился со всем выпитым и все проспал непробудным сном. Мне теперь осталось только соображать, что дальше... Кажется, машина еще не работает – может, она еще не починена или не загружена... или просто – не подключена... Я искал взглядом Фламмера, надеясь, что он еще разбирается с техникой, кодирующей разум таким машинам... Но нет, он неспешно собирает наше оружие, укладывая вещи и утрамбовывая походные выюки... Я проспал дольше, чем думал – все проспал... Но сейчас нет времени корить себя, как и других... Надо сделать что-то очень решительное. А главное – сделать еще до того, как офицер снова начнет препираться с Олафом из-за охоты...

Я с трудом вспомнил, что решил предпринять до того, как вырубился. На трезвую голову мой план показался мне неисполнимым... и вообще – глупым. Только другого у меня нет... Надо отбросить сомнения и страхи и сразу перейти к делу... Я искал Олафа глазами, затененными отеками веками, и нашел... Он складывает контейнеры с энергоблоками, нагружая не очень приспособленную для перевозки груза “стрелу”... Выглядит он вполне спокойным... Буря больше не блистает молниями в его светлых глазах – нет и тени злого Зверя, приходящего с северным ветром... Главное мне не затронуть его тем, чем я решил пробрать нервы Фламмера... А то, чего доброго, разбужу его злую силу – силу духа снежной пустыни...

Я выкарабкался из шкур и слез с груди сверкающих камней, подбираясь к Фламмеру, минуя его еще отключенную машину, – “защитника” с неизвестно каким образом исправленной программой... Офицер обернулся ко мне, бросая поклажу и улыбаясь... только как-то грустно у него это вышло – как-то неубедительно...

– За обещанным сиропом явился?

– Капитан, а вы с этой машиной закончили?.. Или как?..

– Он работает. Сейчас ждет нас. Я ему запретил попусту энергию тратить. Мы его силы только по прямой необходимости применим.

– Это хорошо, если так редко... И хорошо, если он послушается...

– Он исполняет все приказы, не противоречащие его задаче. А его задача прописана сильнейшими программистами системы под контролем расчетного управления и пробита в памяти лучшими рабочими под контролем службы безопасности.

– Только вы же эту задачу изменили... и никто не контролировал...

– Это несущественные поправки доступной моему пониманию части программы.

– Честно?

– Честно, Ханс.

– Тогда ответьте мне еще на один вопрос – так же честно...

– Спрашивай, что хочешь.

Я так обрадовался, что могу спросить все, что захочу, что едва не забыл вопроса за чередой других, но постарался сосредоточиться на необходимых...

– А вы в троллей верите?..

Фламмер улыбнулся веселее...

– Это тебе Олаф мозги троллями промыл?

– Как же ими мозги промоешь?.. Они ж не текучие, а твердые – каменные...

– Каменные?..

– Они обращаются в камень при свете дня...

– Это сказки, Ханс. Не думал, что ты в них веришь.

– А я не верю... И Олаф не верит, хоть и впутывает их во все, что видит... Но с этим троллем все сложнее... Мы же его видели – оба.

– Где же это?

– В горах... На вершине Тилл-Фйэлл...

– На этой вершине и не такое увидишь. Высоко – воздуха не хватает.

– Не хватает... Но тролля это не беспокоит – он же каменный...

– Это вам не хватает. А тролль ваш – просто камень.

– Как же просто камень, когда тролль?..

– Это камень, похожий на тролля.

– Нет, капитан, это тролль, похожий на камень.

Фламмер, еще улыбаясь, поднялся и педантично отряхнул шинель...

– Ханс, ты бы его рассмотрел хорошенько перед тем, как такие выводы делать.

– Как же, когда он исчез?..

Улыбка сошла с лица Фламмера, когда Олаф, незамеченным подкравшийся к нам, коротко кивнул мне в подтверждение...

– Исчез, Фламмер, будто его и не было.

– Его просто не было, Олаф.

– Был. И есть. Стоит на вершине и смотрит на Хантэрхайм. А как видит охотника – исчезает.

Фламмер помолчал, подумал и развел руками...

– Оптические иллюзии в горах не редкость. Преломленные лучи часто проецируют очертания людей на дальние расстояния, отображая их великанами.

– Никаких иллюзий, Фламмер. Просто каменный тролль.

– В горах?

– Вы что, не верите?!

– Нет, Олаф. И не поверю, пока не увижу.

– Увидеть его захотели?! Тролля?! Такого чудища и в кошмаре не увидеть!

– Я думаю, ты как раз в кошмаре его и видел.

Снова все пошло не так, как я задумал... Олаф начал злиться, а Фламмер вспыхивать в ответ на его злобу...

– Я видел его на горной вершине! Он и сейчас стоит среди камней! Смотрит на сияние севера!

– Это бездоказательно. Я не поверю, пока не увижу его.

– Я вам его так показать не могу! Для этого надо лететь!

– Куда?

– На вершину!

– На вершину?

– На Тилл-Фэйлл! Полетели!

Я не рассчитал... Этого я никак не мог учесть... Я собирался напугать офицера издали, не предвидя того, что придется тащиться и к подножью скалы, – не то, что на вершину... Зря я при Олафе начал... Ему нельзя напоминать... Просто, каменный великан испугал Олафа не на шутку. А Олаф сражается со страхами, как со злейшими врагами. А это – серьезный страх. Для борьбы с ним Олаф будит силу зверя. Такую боязнь одним ударом не разрубить. Олаф вступает с ней в бой не в первый раз, рассекая частями. Как только каменный великан встает у него перед глазами, он налетает на него, как ветер на скалу. Теперь он ринется в атаку – взлетит на вершину и вызовет на бой великана... Я знаю, что Олаф сделает это... Он делал это... Доводил себя до неумняемой неустрашимости и летел на вершину, таща меня следом за собой. Хорошо хоть тролль хладнокровно исчезал, когда Олаф ему заносчивостью глаза колол. Надеюсь, что и сегодня поединок не состоится, что тролль из неведомых мне убеждений не согласится сразиться с Олафом и на этот раз...

Запись №13

Хоть я и протестовал против похода с “защитником”, Олаф не хотел тащить на гору меня, а Фламмер не соглашался идти с Олафом – на вершину полетели мы все... Конечно, полет в такой компании оказался напряженным. Никто не проронил ни слова – все только следили друг за другом, готовые чуть что хвататься за оружие... Но вершина неотступно становилась выше, выступая из синевы дали... Теперь мы подлетели достаточно близко, чтоб взмыть в небо, идя на подъем...

“Защитник”, несмотря на мои мучительные подозрения, работает исправно – он точно определяет разведтехнику системы, моментально перестраивая схемы пересечений, так что мы исправно уклоняемся. Вообще он здесь очень кстати – без него наше похождение кончилось бы скоро и плохо. Я не знаю, как он распознал разведчика, летящего неизвестным нам курсом, не совпадающим со старыми схемами, но сделал он это задолго до вхождения в зону восприятия, обычную для нас. Разведчик, настроенный в первую очередь на мысленный и визуальный поиск, нас не заметил. Я этому обрадовался, но и офицер, и Олаф помрачнели – просто, они думают, что война осложняется и дальше, наступая на ледяную пустыню и вытесняя нас... Но мне все равно достаточно спокойно – ведь теперь мы следуем за “защитником”, повинаясь его четким указаниям. Мне эта машина перестала казаться опасной.

Мы взяли с собой и крепления, и тросы для восхождения, но, думаю, это снаряжение нам не понадобится. “Стрелы” незамеченными донесли нас до довольно ровной площадки у острия холодной вершины. Но каменного тролля еще не видно... Он установлен так, что всегда виден с этого места, но теперь... Похоже, что он просто скрылся – от нас или от разведчика... Это плохо – хоть я и не хочу его видеть, но нам надо...

Офицер, кажется, начал отходить от спора, остывая и забывая про жар, брошенный ему в лицо вызовом Олафа. Он все серьезнее проверяет схемы “защитника”, все внимательнее вглядывается в Олафа...

– Олаф, нам пора спуститься к подножью горы. Здесь мы заметны для техники поиска – здесь скрыться сложно. Нет места для маневра.

– Мы пришли к нему и не уйдем, пока он не явится открыто перед нами.

Я покорно склонил голову, зная, что с Олафом теперь спорить не только бессмысленно, но и просто опасно. Ветры этой вершины вышибают у него из головы все, кроме его вечной одержимости... Я знаю, что здесь мы оставим “стрелы”, как прежде оставляли упряжки снежных зверей, – здесь, около расщелины, пропастью рассекающей эту скалу. Я знаю, что мы взберемся на острый пик известной одному Олафу узкой тропой, не проходимой и для снежных зверей. Я вижу,

что офицера моя покорность пугает, заставляя полыхать еще сдержанным пламенем... И это пробирает меня стилой жутью – почти, как непреклонность Олафа, заведшего нас в снега выстуженных скал и не собирающегося нас вывести или хоть отпустить... Фламмер, похоже, только что осознал в полной мере мои предупреждения, не понятные и недооцененные им прежде... Фламмер смотрит на Олафа неотрывно, стараясь сообразить, что с ним происходит... А Олаф просто призвал в дух бурю, будя силу, готовясь обернуться Зверем – злом, чьего обличья офицер еще не видел... Офицер не поверил мне, что Олаф не обычный охотник, что он – оборотень... Я сокрушенно опустил глаза к мерцающему в сумерках сухому снегу, не хранящему ничего следа... Теперь он, как впервые наблюдает его обращение... И я прихожу в ужас при мысли, что офицер дойдет до того, что Олафа, облаченного в звериные шкуры, нельзя вразумить, а можно только – убить... Теперь офицер без труда сделает это, распорядившись “защитником” – сильнейшим разумом и оружием... Но он еще думает, насколько Олаф необходим ему здесь – в снежной пустыне... Он еще способен думать и ждать, ступая следом за ним... А Олаф, гонимый одержимостью, как бичом, ведет нас прямо к нему – к незримому камню, очерченному подобием человека... И дух у меня перехватывает теперь не только от недостатка воздуха, ударившего нам под ребра, как только мы отключили защитные поля и сошли со “стрел”...

Офицер, видно, не привык взбираться в горы – наша затея ему встала поперек горла костью, но он еще молчит, упорно следуя за нами. Мне очень хочется, чтоб нам не пришлось подходить к невидимому троллю, чтоб тролль явился перед нами... Тогда Олаф успокоится, тогда собьется ход мыслей офицера, собирающегося пустить в ход оружие... Но он не является нам, хоть мы и подошли к нему на опасное расстояние... И я не знаю теперь от холода или от страха у меня стучат зубы... Хорошо, что мое лицо закрыто маской, – ведь на таком высоком и холодном пике никак нельзя дышать без маски...

Обдуваемый всеми ветрами и продрогший до костей, я совсем выбился из сил к тому времени, когда Олаф втянул меня на узкий уступ... Я припал к отвесной скале спиной, стараясь не смотреть вниз, но голова все равно кружится от такой высоты... Я же знаю, что это – высочайшая вершина горной гряды... И вообще – высочайшая скала...

Нет, с меня этого достаточно... И с офицера этого хватит... Мне начало казаться, что всем выходцам из тьмы, явленным перед ним разом, не испугать его так, как испугал Олаф этим походом... Офицер обжигает Олафа гневным взглядом, и ожоги эти все глубже... Но Олаф, смотрящий зверем, оковал глаза сталью – теперь облачающие его шкуры стали ему доспехом...

– Олаф, давай вернемся... Он исчез, скрылся от нас – он не откроется нам...

Но Олаф только метнул в меня молнию отрывистого взгляда, устремляя глаза ввысь, к сумрачному небу... Я только что заметил, что стемнело... что Олаф отключил затемнитель, защищающий его глаза от слепящего снега... Теперь у меня не осталось сомнений – он стал Зверем... А глаза Фламмера разгораются ярче – это видно и за его полупрозрачным затемнителем... Я обреченно склонил голову – теперь я положения не исправлю никак... Я еле плетусь за ними, и не думая стараться их остановить, только пытаюсь преодолеть все, что заставляет меня дрожать – и холод, и страх... Теперь же совсем недалеко и недолго осталось идти – вернее, взбираться... Ведь Олаф и Фламмер уже стоят на обрывистом уступе, где и расположен каменный тролль...

Олаф натянул трос, и я не сорвался... Но я особо и не испугался того, что чуть не слетел, а Олаф и не заметил, что острый трос прорезал перчатки и полоснул его руку... Как только я влез на уступ, каменный тролль, вздымающийся над остриями вершины чуть поодаль, остановил на мне красные, блекло светящиеся, будто угли, глаза... Но меня он рассматривал недолго, переведя тяжелый взгляд на еще незнакомого ему офицера, на “защитника”...

– Вам следует уйти и не возвращаться, забыть и не вспоминать.

Мы с Олафом онемели – тролль, пригвоздивший нас к месту тускло светящими глазами, впервые открыл нам мысли... Мы и не думаем об оружии – и Олаф не думает... Какое здесь оружие, когда перед нами – каменный великан, придавивший нас жестоким взглядом и прогнавший прочь четким мысленным приказом... Тролль не стал долго ждать и исчез... Исчез и оставил нас немом смотреть на осколки замерзших вечным холодом камней...

Облегчение, хоть и с запозданием, но пришло ко мне... Олаф, хоть и не сразу, но разозлился... Но Фламмер... Он так и стоит, замерши у скалистой стены и смотря в простертое перед ним сумрачное небо... Он не горит красным огнем – он полыхает синим пламенем, сжигающим и нас, и его...

– Что, Фламмер, убедились, что на вершине Тилл-Фэйлл стоит каменный великан, смотрящий на Хантэрхайм и исчезающий с появлением воинов этой великой северной твердыни?!

– Он не исчез, Олаф. Он здесь. Я вижу его.

Олаф сорвал маску, вглядываясь в скальные осколки хищно сощуренными глазами... Я осмотрелся, стараясь выровнять сбившееся дыхание, но не увидел...

– Он исчез, Фламмер!

– Он здесь... Я вижу...

– Нет его, Фламмер!

– Его нет... Но обрывки его мысленного фона...

– Фламмер!

– “Защитник”... Он не видел... Он видел только искажение... Он видит искажение и теперь...

“Защитник”, видно, предоставил офицеру подробный отчет... Теперь он согласно склонил голову, отвечая нашему не заданному вопросу... Олаф схватил офицера за плечи, но сразу отпустил его, словно обжегшись...

– Что это значит, Фламмер?!

– Он – этот “тролль”... Он ушел в искаженное пространство... Он здесь... Он в искаженном пространстве...

– Фламмер, разъясните!

– Ты думаешь, что он пришел из ниоткуда и ушел в никуда, Олаф? Нет. Он пришел из другого пространства.

– Ясное дело – он из Тролльхайма! Он тролль, Фламмер!

– А что такое Тролльхайм, Олаф?

Олаф дернул плечами...

– Место, откуда приходят тролли, – их царство, их крепость!

– Это другое пространство.

– Ясное дело, что другое!

Фламмер впился огненным взглядом в Олафа... Пронизывающий ветер спутал его волосы с мехом снежных зверей... Его голова покрыта оскаленной пастью звериной шкуры, а из пустых глазниц зверя сверкают его разящие грозой глаза... Острые когти ударяют ему в грудь с порывами ветра... И офицер задыхается в огне, смотря на него... Он сорвал маску, дыша холодом, но все равно задыхается в огне... Он падает на руки машины... закрывает глаза...

– Фламмер, вы что делаете?!

Я оттолкнул Олафа, просто разъяренного происходящим, опускаясь на колени рядом с офицером...

– Капитан, что же это вы так?... Так нельзя... Здесь не место... Нам надо уходить... Тролль велел нам уйти... Он разозлил Олафа... Не злите Олафа хоть вы...

Офицер глаз не открыл – он отключился, и с этим уже ничего не поделаешь... Он не смог побороть страха... И не смог выбрать одного сильнеешего страха, способного перекрыть остальные – слабейшие... Я недооценил его ума... Он понял, что у него нет выбора, – что Олаф не отсоединим от охот и схваток в этих снегах, и вообще, – от этого вечного льда... Он понял, что между ними невозможно выбирать, – между Олафом, снежным зверем и каменным великаном... Они так же связаны друг с другом, как север и северное сияние... Это просто – неотъемлемые части этого замерзшего мира... Это – его составляющие части...

– Поймите же, наконец, что происходит здесь – в снегах территорий Хантэрхайма... Поймите же, что здесь нельзя иначе, а можно только так... Вы сделаны не для этого, и вам не место здесь... Но вы здесь, и вам нельзя вернуться... Вы только потерпите – и привыкнете... И к крови привыкнете, и к грязи, и к голоду... И к жестокому духу Олафа, и ко злым зверям... И к молчанию

мороза, и ко мгле метели... И к войне, и к преследованию... И к троллю, и к другим таким... Вы ко всему привыкнете... Как я... Только потерпите... Как я...

Я встряхнул его, но он не отреагировал... Тогда я потащил его к стоянке “стрел”, не обращая внимания на Олафа, зло которого сдерживает теперь только “защитник”...

Запись №14

Из хватки машины Олаф вырваться не может, хоть и рвется... Он взбешен – тролль же его просто послал... Он осмелился отдать Олафу приказ, когда никто не смеет... Олаф отомстил бы троллю и успокоился... Но тролль же – исчез... Его поступок остался безнаказанным... Я знаю, что нам придется принять условие тролля как данность... Но Олаф... Он не сможет с этим смириться... Олаф не покорится “защитнику”... и приказу тролля... и разуму... Он – Зверь...

Я с трудом стащил офицера к “стрелам” и подключил защитное поле, втаскивая в него Фламмера... Я снял маску с его бледного лица и ударил по щеке открытой ладонью... Фламмер открыл глаза, но взгляд у него еще не осмысленный...

– Соображайте же скорее...

– Нам надо уходить отсюда...

Я сокрушенно покачал головой...

– Я знаю... Но я не могу... Только, когда Олаф подключит разум...

– Он – изверг, готовый сдирать шкуру живьем, как со зверей, так и – с людей... Он – истязатель, хуже карателей порядка...

– Нет, что вы... Он просто боец, который просто оборотень... Ему снова надо помочь снова стать человеком...

– Он не станет человеком... Его не страшит ни своя, ни чужая смерть... Он безбоязненно подступает и к безумному бреду, и к настоящему противнику... Его не пугают, как кошмары, так и чудовища...

– Нет, что вы... Он отличает сны от яви...

– А я теперь не отличаю... Я не должен верить всему, виденному мной среди вечных льдов Хантэрхайма...

Олаф, отпущенный “защитником”, слетел к стоянке машин... Он потратил силы, стараясь высвободиться, и в изнеможении рухнул на колени у отключенной “стрелы”... Но его глаза до сих пор сковывает прочная сталь, не давая ему видеть... Он поднял голову, вперяясь этим ненормально холодным и твердым взглядом в офицера...

– Не верите своим глазам – не верите себе.

– Я не должен верить никому и ничему среди вечных льдов Хантэрхайма...

– Не верите никому и ничему – не сражаетесь ни за кого и ни за что.

– Только за Хантэрхайм...

– Вы не служите Хантэрхайму. Вас не защищают и не порабощают его крепостные стены. Вы свободны, Фламмер. Вы вольный охотник.

– Я – офицер Хантэрхайма...

– Офицер Хантэрхайма, дышащий вольным ветром северной пустыни.

– Вольный ветер?.. Я ваш пленный... Я ваш пленный, который вынужден стать вашим командиром...

– Вы станете. Но только, когда станете охотником.

Фламмер не полыхнул на Олафа синим пламенем, как я ждал – вернее, как надеялся... Офицер смерил его погасшими глазами – даже не равнодушно... На его лице нет выражения – на нем не отпечатались даже безразличия...

– Я вынужден стать охотником.

Олаф наставил на него тяжелеющий вслед за небом взгляд...

– Да, выбора вам теперь не дано. Но сейчас решаю я. Ночевать мы останемся здесь. Нам следует ждать всю ночь – ждать возвращения этого великана для объяснений. А не вернется он – я

сочту его слабым, бесчестным и бесправным, не могущим отдавать приказы, не подтвержденные силой.

– Здесь мы не останемся, Олаф. Здесь кислород разрежен, здесь царит лютый холод.

– Не стать воином и охотником снежной пустыни, не способному простоять ночь на вершине Тилл-Фэйлл. Мы заночуем здесь, а на рассвете – пойдем на охоту. Когда мы вернемся, – я обязуюсь выполнять все ваши распоряжения – неоспоримые и неукоснительные распоряжения офицера воинов и охотников севера. Когда мы вернемся, – вам подчинятся все, вышедшие из буранов к нашим кострам, – все ищущие свободы среди бескрайних снегов.

– Все безумцы, все оборотни... все чудовища в звериных шкурах...

– Все, достойные быть вашими воинами и охотниками. Но это будет, когда мы вернемся. А сейчас мы будем ждать рассвета, ожидая разъяснений тролля, обошедшего с нами недозволительным образом. Он обязан показать нам силу, позволяющую ему диктовать нам условия и давать указания убираться с вершины Тилл-Фэйлл.

Я поднял руку... и опустил... Трудно решиться противоречить Олафу...

– Олаф... Нам и не надо просить у него показа силы... И так ясно, что его силы превосходят наши... Мы же и понятия не имеем, как нанести повреждение каменному троллю, исчезающему и невидимо присутствующему в воздухе... Ты не можешь сражаться с ним... Ты же знаешь, что не можешь...

– Знаю. Но сражусь.

– Олаф, но это ж... Требовать у него схватки – это ж... Ты же не бросаешь клинки в буран и не рассекаешь ими ветер... Ты же не станешь тупить их лезвия о камни...

Фламмер согласился со мной...

– Он не станет сражаться, Олаф. Он снесет нас, как штормовой шквал. Нам придется подчиниться ему.

– Воину?! Подчиниться троллю?!

– Он не тролль, Олаф. Он – что-то другое, что-то чужое. Нам надо подчиниться ему, пока он смотрит не на нас, а на Хантэрхайм.

– Он – обычный тролль, я буду бороться с ним! Это мой долг! Это долг воина севера!

Фламмер обреченно повесил голову – он промолчал и правильно сделал. Олаф вбил себе в голову поединок с троллем так крепко, что нам не выбить... Остается только хрупкое чайное, что, если не Олаф, то тролль проявит понимание этого, неизвестно как сложившегося, положения... А мне осталось проявить только терпение, выработанное долгими зимними ночами, проведенными в такой вот гнетущей обстановке... Я ведь не первую ночь проведу здесь – на вершине Тилл-Фэйлл – с Олафом, обернувшись Зверем...

Я постарался скрепить сердце, начиная подготовку к ночлегу... Надо выбросить из головы мысли о каменном великане, стоящем над душой в невидимости, и надо не думать о зле Олафа... Его дух разлетается с холодным ветром, поднимая ледяную пыль... в его глазах бушует буран... Он не показывает страха – прячет где-то глубоко под броней, но страх вырывается из его груди с приглушенным звериным биением сердца... Олаф никогда не позволит страху укрепиться и пустить корни в его духе – он выкорчует его сразу... через силу, через боль... Олаф сразится с ним... Он даст ему бой здесь, на вершине этой скалы, пожранной стужей и обглоданной всеми ветрами... И мне придется последовать за ним... и мне, и офицеру... Я надеюсь, что Олаф ограничится высокомерным молчанием, не швыряя оскорблениями в сторону тролля и не вступая с ним в битву... Но эта надежда несбыточна – Олаф огрызается угрозами в пустоту, где таится каменный великан... Еще я надеюсь, что офицер не поддастся страху, а поборет его... Но и это несбыточно – он спокоен, но слишком скован и мертвенно бледен... Мне осталось рассчитывать только на себя... И им осталось рассчитывать – только на меня... Они же и думать теперь не думают о ночлеге, об ужине... Нет, я не один не поддаюсь этому кошмару... “Защитник” – он теперь с нами, он поможет нам... поможет мне помочь всем остальным...

– Не трогай Олафа, это бесполезно... Подключи “стрелы” и настрой поля...

“Защитник” взглянул на меня холодными глазами так, что меня до костей пробрало, но послушно занялся настройками полей... Я, еще на что-то надеясь, решил задать ему, тревожащий меня, вопрос...

- Как ты думаешь, чем кончится эта ночь?..
- Рассветом, боец.
- А каменный великан?..
- Он обладает высоким разумом, с его стороны осложнений не жди.
- А офицер?..
- Он будет бодрствовать до рассвета.
- А Олаф?..
- Он скоро заснет.
- Так просто?..
- Все просто, боец.

Раз так сказал “защитник” – значит так и есть... Они умные и думают всегда правильно, и всегда говорят правду... Это мы часто теряемся в мыслях и накручиваемся непонятно каким образом... Да, все верно, я просто нервничаю, не разбираясь во всем, что происходит... А ведь, если посудить, ничего ужасного еще не произошло... Подумаешь – перестал офицер полыхать пожаром, а Олаф – охмелел от зловония звериных шкур...

Мы спустились к “стрелам”, только чтоб перегнуть их наверх... Без техники нам на вершине ночи не продержаться... Мы опустили “стрелы” низко над узкой и обрывистой тропой, не сходя с них, не выходя из ослабленного защитного поля, через которое нас покусывает зубастый ветер... Олаф зорко всматривается в сумерки, ища штормовым взглядом каменного великана... Фламмер устремил поблекшие глаза вдаль... А я так, как они, не могу – я еще с трудом продираю опухшие веки...

Запись №15

Каменный великан не показался, как и сказал “защитник”... Олаф откинулся в седле на спину, запрокинув голову, опустив руки на сложенные крылья “стрелы”, – он, и правда, спит... А Фламмер, и правда, – бодрствует... Он уронил голову на грудь, но я вижу, что глаза его – открыты... Они ясно вспыхивают и тоскливо гаснут, как прогорающие фитили горелки... Я открыл Фламмеру линию, не подключая Олафа...

- Вы видите это сияние?
- Северное сияние?
- Олаф считает, что это мост между средним и небесным царством – его подключают боги. Они применяют эти технологии для перехода между мирами.
- Мост – радуга, а не северное сияние.
- Здесь нет радуги – только сияние. А боги ходят везде – они приходят и сюда.
- Нет, Ханс. Это сияние – жесткое излучение, вредящее нам. Это не безвредная радуга, проявляющаяся в напоенном дождями небе.
- Да, этими замерзшими землями правят суровые боги – им мостом служит это излучение. Но они все равно приходят сюда – на территории Хантэрхайма. А видите его? Хантэрхайм?
- Вижу, Ханс.
- Он всегда виден с этой вершины – ведь он всегда сияет звездой. А знаете, капитан, Олаф мне запрещает смотреть на Хантэрхайм. Он говорит, что Хантэрхайм сияет, как маяк, зовущий нас, скитающихся в снежной пустыне... Но он сияет не для нас – это не наша крепость... Нам нельзя идти на его свет... Мы, как осы, не летим на свет чужих крепостей... Осы строят свои укрепления, занимая только свои крепости и зажигая в них только свой свет...
- Осы?
- Это крылатые зверушки с ядовитым жалом – они живут в лесах Штрауба...
- Я знаю, что это за зверушки.

– Ну вот и хорошо. Тогда вы не станете вести себя, как другой крылатый зверек – мотылек. Ведь этого беззащитного зверька совсем просто сбить с курса обычным фонарем, на котором он и сгорит.

– Эти зверушки вымерли, Ханс.

– Вот и я об этом... Олаф мне всегда говорит, чтоб я перестал быть доверчивым мотыльком. Он мне все время твердит, что я, как оса, – что у меня есть оружие... Но это так сложно – быть вооруженным, когда не знаешь точно, против кого надо применять оружие...

– Совсем несложно – видишь что-то угрожающее тебе и просто сжимаешь руку на спуске.

– Так я бы мог перестрелять просто всех – и Олафа, и вас... Мне ведь угрожают все – хотят они того или нет...

– Оставляй только тех, без кого не можешь выжить.

– И это непросто... Непросто выжить, убивая всех подряд, кроме Олафа и вас...

– Выжить просто, а жить – нет.

– А вы знаете, что я думаю... Я думаю, что человек не может только выживать, он может – только жить... Все люди, считающие, что они только выживают, – просто перестают быть людьми... Они умирают – люди в них умирают... А люди, считающие, что они живут, – продолжают жить... И не важно, в каких условиях они находятся... Главное – они остаются людьми, несмотря ни на что... Главное – всегда жить, никогда не теряя в себе человека...

– Для этого нужно обладать огромными силами... Олаф сильный боец, но даже он, оказавшись среди вечных снегов, потерял в себе человека...

– Нет, капитан, он не утратил эту сущность, он только враждует с ней... Он старается – жить, когда все вокруг старается заставить его – выживать... И он – живет... Не всей жизнью, отчасти отнятой у него этим Зверем, но – живет... Он делится со мной всем и готов все разделить с вами... Только не всегда у него получается поделиться только хорошим – порой, он делится плохим... Но ведь мы делимся всем – мы ведь не только охотники, делящие добычу, мы – друзья... В этом же суть человека – он видит в других не только жертву или угрозу, как звери, соратника или противника, как машины, но и – друга, и врага...

– Да, так мыслит только человек... Только человек пускает кого-то в душу, позволяя кому-то затронуть и разум, и чувства...

– Я прав, да?..

– Да, Ханс... В общем, да...

– Вы знаете, Олафа кровь хмелит, а не ужасает... Он иногда зря проливает ее – он не правильно поступает, когда поит ей Зверя... Но это сложно – отличать нужную кровь от ненужной... Ему – сложно... От этого и происходит этот Зверь – от бессилия осознать... Этот Зверь – он, как бог, объясняет все, что Олаф не осознает... Зверь, как бог, решает все сложные задачи за него, приходя в его душу... решает, доступными ему методами...

– Ты веришь в бога?..

– Нет... Я верю в то, что мы не можем знать всего, но нам это нужно – все знать... Нам нужен кто-то, кто все знает... И я верю, что он существует – тот, кто сильнее нас... и у него до нас дело, как и у нас до него...

– Это и есть – бог...

– Тогда богом может быть и офицер, и “защитник”... Вы же сберегли наши силы, а этот “защитник” облегчил нам жизнь...

Офицер погасил глаза, темнея, отворачиваясь от сияния Хантэрхайма, лучащегося звездным светом среди бескрайних снегов...

– Нет, Ханс.

– Но как же?..

– Не верь мне, как этому “защитнику”. Я не знаю... И он... Он сделан мной... И он – не знает...

– Но он так помог нам...

– Нет, я допустил... Ханс, я отключу его. Он – опасен для вас.

– Но он...

– И я опасен для вас. Мне здесь не место, Ханс. Я не могу жить так, как вы.

– Вы хоть попробуйте... Что вам терять теперь?..

– Что терять? Честь, Ханс.

– Может, вы и сделали что-то не так, но вы ведь не специально, вы ведь все исправите... Главное, что вы – постараетесь все исправить... И я, и Олаф – мы все время стараемся исправить все, что сделали не так... А мы все время что-то не так делаем... Мы столько всего друг другу прощаем, когда видим, что стремимся к осознанию и исправлению всего такого...

– Я не могу себе этого простить.

– А вы попробуйте... Отчего же не простить себе что-то, что простят другие?..

– Нельзя прощать себя, когда другие прощают, не понимая всей вины.

– Знаете, если б мы с Олафом так совестью угрызались, она б нас давно съела...

– Тех, кто провинился сильнее других, она грызет дольше...

– Нас она только покусывает, как этот мороз...

– Я предатель... Я предал систему, предал вас...

– Но вы не предали себя... А тот, кто не предаёт себя – совершает ошибку, а не преступление...

Вы же все с хорошими побуждениями делали – вы же считали, что поступаете так, как должно... Ведь все началось, когда вы решили сохранить мне жизнь... Вы же не знали, что обстоятельства не позволят вам вернуться в систему к сроку, заставив отречься от службы режиму... Вы не знали, что Олаф не перестанет угрожать вам, несмотря на все ваши старания... Ясно, что вы не великий воин, неподдающийся страху смерти никогда и нигде... Вы не пройдёте через подземелья карателей ради служения режиму, вы не пойдёте на снежного зверя ради убеждений Олафа... Но вы и не уничтожите невинного ради системы или охоты... Вы не такой герой, а – другой...

– Я вообще не герой, Ханс...

– Но вы не попрали человека в себе ради служения системе или свободе... Вы совершили подвиг, о котором не будут кричать целые армии, но о котором буду помнить я. Вы ведь из-за меня пожертвовали всем... А могли пожертвовать добротой ко мне, сохранив все блага... Вы же не раскаиваетесь в том, что не убили меня тогда, когда я скрутил вам руки...

– Нет, Ханс. Но я раскаиваюсь во всем остальном.

– А остальное – следствие этого поступка... Не корите себя за это, если не упрекаете себя в том, что сохранили мне жизнь...

– Не пытайся оправдать меня.

– Мне не надо оправдывать вас – я вас не обвиняю.

– Я так и думал, что ты все понял... Ты все понимаешь – даже то, чего не понимаю я...

– Мне же очень надо все понимать – мне же ничего не известно...

– Знания задают мыслям ход, загоняя их в заезженную колею... Из этой колеи сложно выйти – сложно посмотреть на мир незамутненным взглядом... Это привычка мыслить так, а не иначе... Это привычка, берегающая наши силы, но туманящая наш разум... Она никогда не позволяет нам видеть ясно. Я смотрю через нее в снежное сияние глазами, открытыми для другого света и не видящими этого сияния. А Олаф смотрит через нее суженными глазами хищника, видя одну только жертву. Наши мысли закодированы только для одной стороны жизни, и нам тяжело избавиться от этих кодировок, окинув взглядом ее всю – всю жизнь.

– Но ведь вы можете...

– Я не знаю, могу или нет – эти коды пустили крепкие корни, оплетшие мой разум тюремной решеткой...

– Вы сможете, раз уж это понимаете. Вам нужно только время – так дайте его себе, потерпите уж все это как-нибудь... Я долго терпел, пока разобрался хоть как-то... хоть в чем-то... И теперь – терплю...

Фламмер вскинул на меня пламенеющие глаза, в которых отразились лучи холодного сияния Хантэрхайма... Хоть бы он справился... Хоть бы он не погасил этого упрямого огня, дающего ему силы жить – пусть и среди зверей, среди чудовищ...

Запись №16

Я не будил Олафа всю ночь, зная, что он не станет бушевать, сберегая восстановленные силы для предстоящей охоты. Пробудившись, он ограничится одними проклятиями, насылая их и на незримого тролля, и на холодную вершину, занятую этим каменным стражем... А я уже сообразил, что этот великан вполне разумен и оставит все проклятия без внимания... Еще я понял, что он достаточно терпеливый и дождетя нашего ухода... Как бы Олаф не протестовал против его приказа, он просто не способен этого приказа не исполнить – и ему не под силу остаться здесь дольше одной ночи... Мы не можем постоянно жечь энергию наших машин, а сами мы для таких мест никак не предназначены. Я рад, что мы уходим... И я рад, что офицер не проявляет беспокойства из-за того, что уходим мы из одного кошмарного места – в другое, от одного чудовища – к другим. Только до меня пока не дошло – от отчаянной решимости это у него или от полной подавленности... Он кажется очень спокойным, и его глаза горят, но не жаром живого огня, а ровным свечением осветительного прибора... Я таким его еще не видел, поэтому не знаю – хорошо это или плохо.

Офицер объяснил мне, что “защитник” – опасен, но он его – контролирует... Поэтому я снова стал относиться к этой машине настороженно. И эту настороженность важно не растерять в ждущей нас дороге – ведь Олаф теперь и не думает подозревать офицера и не доверять этой машине. С тех пор, как я разубедился в отваге офицера, Олаф наоборот – убедился... Он еще не признал Фламмера командиром, но уже подошел к этому признанию вплотную. Эта охота убедит его полностью, и он будет повиноваться Фламмеру с такой же настойчивостью, с какой сопротивлялся. С заводов Хантэрхайма сходят только такие воины – прямые и жесткие, как клинки. А я сошел с завода человекостроения Штрауба – я могу и сомневаться, ища середину, а не бросаясь в ту или иную сторону, как в бой – без колебаний... Штрауб и Шаттенберг вооружает нас мыслями, когда Хантэрхайм и Ивартэн – оружием.

Размышляя обо всем этом, я и не заметил, что мы спустились к подножью скал, летя на запад под прикрытием протяженного горного отрога, скрывающего нас от неспящих глаз “хранителей” Хантэрхайма...

Офицер отстраненно следит за “защитником”, летящим впереди... Но эта машина определяет поисковую технику безошибочно, вовремя предупреждая нас. “Защитник” точно рассчитал нам место стоянки на границе патрульных зон еще до того, как Фламмер сообразил, что мы – прилетели. Просто, здесь – такая же снежная пустошь, как и везде... Отсюда не видны “жгучие луга” снежных зверей, где нас часто ищут и отслеживают... Туда нам предстоит отдельный поход. А сейчас мы все вместе будем сооружать снежное убежище...

Я совсем выдохся, таская нарезанные из прочного наста блоки, и присел отдохнуть на один из них... Работа подходит к концу, и скоро мы скроемся в этой снежной пещере, сооруженной нами с таким трудом... Там мы, наконец, выспимся и согреемся... Ведь мне было так жарко, что теперь стало совсем холодно...

Олаф положил руку мне на плечо – он сияет улыбкой, пусть и довольно кровожадной...

– Что расселся? Поднимайся – этим блоком вход перекроем. Иди уже.

Я забрался в убежище, нагибаясь под низким сводом и усаживаясь на застланные шкурами нары из затверделого снега. Стоя на коленях на полу, “защитник” разбирает и проверяет наше оружие... Я разжег горелку, заменив прогоревший фитиль, и протянул замершие руки к слабому, но веселому огоньку. Только я собрался сказать “защитнику”, что я разжег огонь и теперь надо перетащить промерзшее оружие ко входу, как он сделал это... Но офицер, проходя к огню и садясь рядом со мной, прихватил излучатель, положил его на колени и вцепился в него мертвой хваткой.

– Не надо оружие здесь держать... Олаф рассердится...

– Здесь мы открыты всем врагам, я не оставлю оружия там.

– Оно не будет работать, когда конденсат замерзнет...

– Ничего ему не будет.

– Ему, может, и не будет, а вам... Олаф разозлится, когда увидит, что оружие согрето и выпала вода...

Фламмер глянул на меня с тревогой...

– Как здесь обороняться, когда оружие – стоит у входа?

- Брать оружие оттуда, где оно стоит, и обороняться...
- Как от Олафа обороняться?
- Никак... Вам придется часто находиться с ним без оружия под рукой... И ему – с вами...
- Ты так просто доверяешь ему жизнь?
- А что мне еще делать? Да и Зверем он вообще не так часто становится... Вы, наверное, привыкли, что ваши солдаты для вас совершенно безопасны. Только мы – не солдаты, мы – вольные охотники. Вам придется доверять нам, привыкнув к тому, что мы – опасные.

Фламмер еще ниже наклонил голову и отнес оружие ко входу... И как раз вовремя – Олаф забрался в убежище, закрывая узкий вход снежным блоком... Он бросил офицеру кусок мороженого мяса, хрустящего под ножом, довольно ухмыляясь и растирая заледеневшие руки.

- Вы как думаете, наших “стрел” с высоты не заметят?
- Мы для них час стоянку рыли, еще час засыпая их снегом.
- Время не важно. Достаточно их забросали?
- Достаточно, чтобы не было сугроба.
- Тоже верно – сильных заносов здесь нет.

Олаф с готовностью кивнул головой, соглашаясь, и начал насаживать нарезанное офицером мясо на железный прут. Мы его жарить не станем – только разморозим чуть... А то у нас снова зубы расшатались – так всегда, когда не пьешь отвара из мхов или не ешь сырого мяса. Офицеру это не нравится, но он молчит, не полыхая на нас пламенем, хоть плохо выделанные шкуры испускают тошнотворный смрад и зловонно чадит горелка...

Запись №17

Фламмер промолчал, когда понял, что мы не полетим, а – пойдем пешим ходом... Правильно, это ж еще только поход на зверя. Доставка добычи на наше стойбище – другой рейд... Мы проведем его под покровом ночи... Для начала мы выждем пургу и скроемся под ее пеленой от пристальных взглядов “воронов”, ведущих наблюдение через поисковую технику... А после – подгоним “стрелы” к временному складу на высокой скорости и погрузим промерзших зверей, перевезя их на эту стоянку... Только тогда мы с этой стоянки снимемся, отправившись искать новое прибежище...

Офицер промолчал и тогда, когда понял, что мы пойдем налегке, но все равно потащим тяжести. И это – правильно... Нам нужно взять не только снаряжение для опасной охоты и перехода по поломанному леднику. Нужно еще и оружие для сложного сражения с “воронами”, которые могут нас заметить, и шкуры для холодной ночи, которая может нас застать, и сухой паек для долгой задержки, которую мы можем не предугадать. Нам нужен и шовный материал, и перевязочные средства, и медикаменты первой необходимости... Нужны заряды для излучателей, и фонарей, для хлыстов и шприцов... И еще куча всего такого. Офицер это понимает – поэтому теперь он просто молчит в ответ на все – и на суровые установки Олафа, и на мои объяснения тягот предстоящего нам похода... И Олаф – молчит... Он стремится вытащить из недр души силу зверя, не выпуская злого духа, так и прицепившегося к нему... А я еще раз проверяю снаряжение с “защитником”, глуша неясные опасения на его счет, на счет Олафа и офицера...

Мы подождали, когда выйдем из зоны поиска орбитального спутника, и вышли из обледенелого пристанища. Скоро мы войдем в зону поиска следующего спутника, но войдем теперь, облаченные шкурами, как звери. Тогда мы сойдем за потрепанную охотниками стаю, держащую путь к “жгучим лугам”. Да и для поисковой техники, не снижающей высоты до уровня восприятия наших мыслей, мы сойдем за этих тварей. Пробираться придется ползком, но наст достаточно прочен – он нас удержит и мы особо не наследим. Нас прикроет и низкая поземка, обдающая нас ледяной пылью, – она занесет наши следы. Только не было бы бурана... Здесь, на территориях укрепления Штильштадт – бури не часты. Но небо темнеет... Правда, только вдали... и ветер не сильный... Случается, конечно, что бури обрушиваются на нас совершенно внезапно, но такое бывает редко – обычно бураны налетают на нас, предупреждая заранее...

Мы идем тихо и против ветра, чтоб зверя не спугнуть, хоть “жгучие луга” еще достаточно далеко... У скингеров отличный верховой нюх – с ветром они ловят тончайшие запахи, несмотря на то, что ветер выстудит наш запах – вернее, нашего снаряжения... Люди же лишены личного запаха – людей распознать возможно только через сопутствующие им запахи снаряжения... Техника, как мы, а вот химикаты, которыми мы обрабатываем шкуры или еще что – пахнут... Поэтому мы терпеливо и осторожно бредем против ветра, пригибаясь и под его порывами, и под взглядами орбитальной техники слежения.

Наша форма предусмотрена для ползания в снегах, и снег не трогает нас, обходя стороной. А так, он пробрался бы тайком и за ворот куртки и за голенища сапог. На нас маски, так что и в рот снег не заберется хрустящим холодом. Только жарко и душно карабкаться по обледенелому насту в таком снаряжении. Особенно жарко выбираться на эту прочную обледенелую корку, когда ее подломишь... Я выбился из сил и мечтаю об отдыхе, но нам надо двигаться дальше... Мы устроили короткую передышку давно и далеко, так что продолжили путь едва переведшими дух... Долгая остановка нам недозволительна – не только из-за того, что надо до полудня на “жгучие луга” попасть, но из-за того, что мы все в испарине, а просушиться нам негде... На таком морозе длительный покой позволителен только сухим, а с нас течет в три ручья... Обычно мы стараемся не доводить до этого, передвигаясь медленно и стараясь сокращать усилия. А сейчас времени нет – мы должны действовать на пределе сил и скорости – весь поход, всю охоту. Слишком опасные здесь места, чтоб задерживаться... Здесь же можно нарваться не только на злобных тварей, но и на охотников Хантэрхайма, и на поисковую технику, разыскивающую нас в этих местах особенно тщательно...

Я так и не понял, преодолел офицер страхи или просто покорился судьбе, заведшей его в эти чуждые ему пустыни. Я не знаю, следует он за нами с готовностью борца или с опустошенностью мертвеца. Но он – не отстает от Олафа, обернувшегося зверем и телом, и духом. Я карабкаюсь за ними, смотря им в спины – в спины этих потрепанных скингеров, понуривших головы... Мне остается только гадать, стал ли этот мир для Фламмера настоящим или остался ночным кошмаром, от которого он и не помышляет теперь пробудиться. Этот подавленный офицер вытесняет у меня из головы и нетерпеливый, подгоняющий меня к опасности, страх перед охотой, и усталость... Я не оставил надежды объяснить ему, что это просто такой сложный мир людей и зверей, но мне неведомо, как убедить его, что это не мир чудовищ, только схожих с людьми и зверями. А каменный тролль, на которого я возлагал особые надежды, обострил положение и усугубил чуждость нашего мира для этого офицера. Этот великан не отъединил у офицера в голове настоящего мира от иного – только крепче объединил Олафа и снежных зверей с кошмарами из сказаний прежних времен. Это, конечно, правда, что северное сияние, Олаф, снежный зверь и каменный тролль неотделимы друг от друга. Но они же из разных сторон этих легенд – они же противостоят друг другу... Офицер этой разницы не усек, он только убежденнее стал считать их всех выходцами иного мрачного и чуждого мира... Мне очень тревожно от всего этого – неясного и неопределенного. Жутко, что офицер не оборачивается ко мне, что в затылок мне смотрит холодными глазами “защитник”... Только Олаф ничего не замечает, объятый пылом ждущей нас схватки. Мы же приближаемся к “жгучим лугам” – к этому темному котловану в светлых льдах...

Скингеры – не умные существа, у них думы редкие и короткие. Это отражается на их хилом мысленном фоне с редкими посылами на низкой частоте – их фон почти пуст, почти чист... А у нас думы сложные и скоростные... У нас фоны мощные – с частыми посылами на высокой частоте... Нас заметить проще. И еще – радиус наших излученных мыслей велик, когда у этих зверей – ничтожен... Эта значительно затрудняет нам охоты – мы входим в зону восприятия ментальной активности зверей раньше, чем они – в нашу... И теперь мы заметим их позже, чем они – нас... Это даст им время, и они дадут деру, стараясь скрыться среди камней и расщелин. Нам их найти не просто станет...

“Жгучие луга” занимают обширные территории, но звери предупреждают друг друга о приближении опасности, невзирая на расстояния. Их пронзительные крики кромсают нас на куски, за что их так и называют – скингеры... Мы используем глушители звука, но и это не всегда помогает. Хуже всего, когда загнанный в угол зверь орет, нападая. Нет, хуже, когда несколько

загнанных зверей орут, нападая, – их поодиночке загнать сложно, они же стаями стараются держаться... Тогда они орут и излучают, не щадя нас и нашего оружия... Тогда они могут оглушить охотника, заставить его замедлить мысли и действия... А как только охотник замешкается – они вскипятят ему кровь этим их излучением... А не справится он с отстраненностью разума, не преодолеет первых повреждений тела – тогда он не сможет повергнуть зверей. А останется он стоять перед ними – тогда они сожгут его... Страшно и сказать, что скингеры способны сделать с нами... Они и сложное оружие, и технику этим излучением из строя выводят... Против них надежны только – простые ножи... Но идти на них с ножами – идти в ближний бой с противником, превосходящим по силе... Подходя к снежным зверям, мы получаем и когти, и зубы, и крики, и излученное зло... Вот мы и стараемся выцелить их издали, не спускаясь в их, вытопленные среди вечных льдов, овраги... Но это редко получается – не спускаться к ним в западню... Они же скрываются, подделываясь подо все, что окружает их, – шкуры снежных зверей сливаются со снегом, с камнями и мхами, когда им это нужно...

И сейчас, когда мы встали на краю оврага, усеянного цветущими мхами, Олаф всмотрелся вдаль, ища доступную с этой точки цель. Мы расположились прямо у коридора – обрывистой тропы, ведущей вниз, в широкий и протяженный мшистый овраг... Таких коридоров здесь не счесть – по ним скингеры выбирают наверх, на бескрайние ледники... Но и охотники приходят этими тропами... Конечно, скингеры подходят к ним, проявляя особую осторожность, и сторонятся их при первых же проявлениях опасности. Остерегаются они и открытой местности... Искать их следует в непроходимых зарослях мха или в каменистых завалах рядом с отвесными ледяными стенами, ограждающими овраг, – такие места не предназначены для спуска, и в таких местах звери могут не бояться стрельбы. Подступы к таким убежищам остаются только с замшелой равнины, но звери отчаянно охраняют их. Они жестоко атакуют, когда их находят и припирают к стене.

Сначала они стараются просто спрятаться, а если их находят – спастись от охоты. А если охотники не дают им ходу – отпугнуть их. Если они не уходят – сжечь их. И только если охотники не поддаются – звери идут на пролом, тараня врага, торя дорогу... Озверелый скингер сметает все на своем пути, пронсясь сквозь строй солдат, прорываясь через заграждения... Вот мы и стремимся искать их скрытно, подходить к ним осторожно и кончать с ними одним махом, одним разом – так, что им и не опомниться...

Звери разбрелись и затаились вне зоны нашего восприятия – наше оружие не “видит” их мыслей, как и другая техника... Мы постарались установить визуальный контакт, просматривая через прицелы заваленную камнями и заросшую мхами местность, но не обнаружили ни одного зверя... Камни, расщелины, ровные заросли и торчащие над ними мшистые клочья – везде могут быть скингеры, но мы не видим их... Нет, не видим. Здесь только их следы... Они стояли здесь, уйдя незадолго до нашего появления. Мы знаем, что спугнули их не шумом, а мыслями – знаем, когда это произошло и сколько времени прошло... Звери не ушли далеко – они скрылись рядом... Просто они умолкли и затаились...

Олаф ходил к крутому обрыву, и только что вернулся, подбираясь к нам тихо и скоро, как зверь... Он подключил нас к ментальной линии, приближаясь на расстояние, с которого слышен шепот... Выходит, нам пришла пора соблюдать молчание.

– Хорошо мы подошли. Стая голов десять – как на заказ. Найдем их – сможем разогнать и отбить от остальных сразу трех зверей. Поодиночке их перебьем. Главное – как только поднимем зверей, отсечь трем отходные пути. Сольются они со стаей – нам с них шкуры не содрать. А блокируем их – три шкуры точно заполучим.

– Олаф, так ты не нашел их?

– Нет, но свежие следы видел – я к ним близко подобрался. Дальше пройдем – они в нашу зону восприятия войдут. Главное теперь не шуметь – они нашего точного расположения по мысленному фону не определяют, а по звуку – запросто.

Фламмер, не поднимая глаз на Олафа, сосредоточено смотрит на открытый простор низины – этот луг огражден ледником, но ледяные стены теряются вдали, скрытые синей дымкой, объединяющей с небом и льды, и скалы... Это величайшее сооружение снежных зверей – другие “жгучие луга” куда теснее...

– Олаф, они достаточно точно определяют расстояние по фонам – они узнают о нашем приближении.

– Им трудно сосредоточиться – они узнают, что мы близко, но не узнают, что мы приближаемся прямо к ним. Они не разберутся.

Офицер подумал с минуту, что-то прикидывая, и перекинул излучатель через плечо...

– Что, понизу пойдем, пока не поймаем их мысли?

– Нет, поверху. Спустимся позже. Сначала с высоты стаю опознаем, расположение отдельных зверей четко определим, выберем цели, а после – сойдем к ним. И оружие это оставьте. Как поднимем зверя – оно не поможет. И чинить его придется после нападков этих тварей. Это оружие для людей, а не для зверей.

Фламмер положил излучатель на снег, не опуская к нему устремленного вдаль взгляда – неподобающе спокойного взгляда...

– С ножами пойдем?

– С ножами. И хлысты возьмем – хоть их ненадолго хватит, без них не обойтись.

Вообще от излучения этих тварей защититься возможно... Только надежная защита... Мы можем добыть ее, взяв у охотников Хантэрхайма... Но она – тяжелая, а нам приходится предпринимать такие походы... У нас такие нагрузки при переходе и мы так перегружены снаряжением первой необходимости... Нам не под силу тащить еще и доспехи для грубой защиты, и щиты полей, сберегающие нас и наше оружие от излучений... Это забирает кучу сил и энергии... Без этого стараются обходиться и охотники Хантэрхайма, применяя все это только при крайней надобности. Так что я постарался собраться и сосредоточиться, рассчитывая в первую очередь на свои силы, а не на защиту, не на оружие...

Мы достаточно долго пробирались по кромке обледенелого обрыва... Я с трудом изгоняю холод из продрогшего тела и цепенеющего от усталости разума... Пора сосредоточиться и разогнать кровь в особенно окоченелых конечностях... Наконец, звери вошли в нашу зону восприятия. Они попрятались неподалеку, но не выдадут своего пристанища, не зная наверняка, что мы нашли их и пойдем на них. Теперь главное не спугнуть заранее...

Олаф резко вскинул руку, заставляя нас замереть на месте. Пойдем здесь – здесь нас не ждут... Они же ждут нас – с тропы... Охотники Хантэрхайма стараются не срывать на головы снежным зверям с заледенелых высот... Нам это на руку. Мы тихо сползаем по ледяной стене, когда находим опору, и слетаем вниз с высоты, когда ледяные глыбы не образуют упора. Мхи, конечно, смягчают отчаянный спуск, но все равно – падать приходится с опасной высоты... Еще и местность – каменистая... А залежей камней подо мхами часто не видно... Но это еще не так плохо... Главное, что эти твари не могут точно определить наше положение по нашим фонам – нам нужно только не шуметь, и мы пройдем незамеченными.

Я вздохнул, готовясь слететь с обрыва прямо во владения этих тварей – прямо в пропасть... Но вздох получился душным из-за заиндевелой маски... Олаф снял перчатки и растирает руки, когда-то отмороженные и податливые холоду. Офицер снял затемнение с глаз и сжал в руке рукоять бича, готового к запуску на предельной мощности...

– Пошли. Холодно ждать.

Остывать начал и я – тепло тянет так, что скоро озноб начнется... Этого нельзя допускать – мы должны идти в атаку с твердой рукой и крепко сжатыми зубами...

Олаф, наконец, закрепил на пояском ремне исходные блоки плетей, прикрепил рукояти выключенных бичей и махнул нам рукой, призывая следовать за ним. Офицер напоследок дал короткое распоряжение “защитнику”. Андроид останется наблюдать за техникой слежения. По приказу офицера “защитник” не покинет зоны нашего восприятия, и мы не потеряем с ним связи. Он обязан офицеру подробным отчетом о смещениях на схемах... “Защитник” должен доложить обо всех перестройках и отклонениях от учтенных нами данных воздушной техники – об изменениях курса и скорости полета, о снижении до зоны поиска и выходе на высоту, безопасную для нас. Эта машина крепко поддержит нас на этой охоте – а то уж очень часто разведчик, ведущий наблюдение в этой зоне поиска, стал менять маршрут и время прохождения нашего участка.

Нам нельзя шуметь – мы не вбиваем в обледенелые глыбы креплений... Идем так... Сложно это, хоть мы и сняли шкуры и спрятали тяжелое оружие наверху, оставшись только в обычной форме... Эта форма нас никак не отягощает – она невесома и покорно следует нашим сложным действиям и движениям. Но долго на морозе и в ней мы находиться не можем, неумолимо начиная промерзать... У нас полно поводов для ускорения. Я разжал руку и сорвался в провал... Я вывернулся, только коснувшись земли и вскочил на ноги, пригибаясь и оглядываясь... На милость мха отдался и Олаф – он оставил последний упор и оторвался от испещренной трещинами ледяной стены, ограждающей владения тварей... Офицер, проявляя редкую выдержку, – или равнодушие – отправился в полет вслед за нами... Не знаю, как ему, но мне прыгнуть было нелегко... Это вроде не высоко, но как раз с такой высоты падать хуже всего – удар уже достаточно сильный, а подготовленность к нему еще достаточно слабая. Просто времени не хватает должным образом свернуться, скрутиться и сложиться. Только теперь я начал понимать, что все сделал правильно и ничего не сломал. Удар пришелся ровно на бок... И мхи приняли меня, как лучшего друга. Шума мы не наделали, но постояли чуть на месте, прислушиваясь и присматриваясь, не заметили ли звери нашего стремительного полета... Нет, не заметили. Теперь мы пройдем дальше, держась этой ледяной стены, заходя на затаившуюся стаю. Мы подойдем с открытой местности, отсекая стае отходы, загоняя зверей хлыстами к ледяному ограждению...

Звери еще не знают – минуем мы их место, не заметя их, и устремимся дальше или найдем их и пойдем на них... Они не поднимутся и не проявятся, пока не поймут, что найдены. А поймут они это тогда, когда услышат треск подключенного кнута... Но они начинают тревожиться, зная, что мы неподалеку... Похоже, нам придется пасть на землю и простереться на мшистом покрове, пока они не утратят бдительности...

Холодно ужасно... еще и – сыро... Камень уперся в ребро, но я и вздохнуть не смею... Конечно, наше поведение не типично – это сбивает мысли зверей с протоптанной тропинки, успокаивая их, но мне тяжело ждать... Только Олаф не унывает, пользуясь этим временем, как передышкой... Он решил не терять его – определить цели точнее и жестко распределить их между нами. Он выделил зверя и мне, и офицеру... Это звери без зверенышей... Тех, что со зверенышами мы не трогаем, пропуская на простор, не позволяя им только подходить к нам... Эти зверюги особенно злые и держатся обычно друг друга, обороняясь не в одиночку... Мы забиваем тех, что держатся одиночками с краю стаи или в отдаление... Олаф выделил таких зверей и теперь думает, как к ним подойти безопаснее будет... А Фламмер, кажется, сосредоточен больше не на зверях, а на ясном небе... И не зря он так... Над нашими головами взвился серебрянный рой, исчезнувший в вышине поблекшими искрами...

Олаф сжал кулаки, выдирая клочья мха...

– Это что еще?!

Офицер резко выдохнул задержанный воздух...

– Истребители Ивартэна...

– Ивартэна?!

– Они посланы Ивартэном...

Что-то холодное и когтистое заметалось по моему позвоночнику и юркнуло под ребра, прячась от острого ощущения опасности...

– Это же плохо, капитан... Плохо, что они из – Ивартэна... Из этой центральной крепости...

– Плохо, Ханс, – с какими бы целями их ни подняли – это плохо... Война пришла на север – с какими бы силами север ни воевал – он вступил в войну...

Олаф беспокойно вздернул головой...

– И что теперь?

– Нам надо уйти, Олаф, – без задержек.

– Троль их растерзай! С их войной скоро нам и на охоту не выйти!

– Это одна из последних охот, Олаф, или – последняя. Надо уходить.

– Мы с пустыми руками не уйдем.

– Времени нет. Нам нельзя находиться здесь.

– Ничего... Забьем зверя – и уйдем... Теперь нам придется неизвестно сколько скрываться на заброшенных объектах...

– Теперь и на закрытые объекты нам дороги нет. Теперь и “защитник” нам не поможет. Теперь эти территории возьмут под жесткий контроль.

– Тогда надо... Надо уходить с севера...

– Иного выбора нам не оставят, Олаф.

– Нет, мы не станем подыхать здесь со страху и с голоду – здесь, в бескрайних снегах севера...

Мы уйдем на запад... Мы отправимся в леса Штрауба...

– На восток, Олаф, – в степи Сюань-Чжи.

– Укрепление Сюань-Чжи? Оно в зоне боевых действий... Оно в зоне ожесточенных столкновений всех трех систем...

– Сюань-Чжи теперь – на территории врага, разоренной тремя системами.

– Еще этого не хватало... Я знаю, что скрыться нам проще на землях, где нам сложнее не сдохнуть, где нас просто не станут искать... Но вражеский восток... Мы не выживем...

– “Драконам” Хакая, солдатам Снегова и Роттера дело будет только друг до друга – не до нас.

– Верно, в общем... Верно... Но я бы шел на запад...

Офицер отрицательно качнул головой... Но он не настаивает, равнодушно взирая на замершее в вышине небо... Но и Олаф не перечит ему... Олаф соглашается с ним, подчиняясь ему... А у меня в голове... взорванный муравейник – вот что у меня в голове... Меня пугает это невиданное и немислимое для меня равнодушие офицера... Пугает, что Олаф... Он считает это неестественное равнодушие проявлением выдержки, что только укрепляет его уверенность в этом офицере... А я вот не уверен в нем – в его неуклонности и решительности... он проявляет не эти качества – это что-то другое...

Я бы рад бросить все и вернуться... Но Олаф, поднимаясь, подключает хлыст...

Запись №18

Хлысты затрещали, осыпая нас искрами, и зверский крик разлетелся над долиной... Мшистый покров разорвался клочьями над спинами вздыбленных тварей... Они рванулись к нам с кличками, скалясь и щетинясь... Они всегда идут напролом, когда их загоняешь... И всегда идут стаей... Не всей стаей, но и не разрозненно, не в одиночку... Они оберегают зверенышей, защищая их обрушенным на нас злом... Я пропускаю тех тварей, что со зверенышами, – таких мы не трогаем, таким мы только не позволяем подступать к нам... А тех тварей, что в стороне... Мы охотимся именно на таких – стараемся отогнать от остальных, от стаи... Я приметил подходящего зверя еще заранее и пошел ему на перехват... Это самый напряженный момент, когда мы со зверьми просто кидаемся друг на друга...

Я разогнал хлыст, растянутый до предельной длины, не дающей потери мощности... И хлестнул оскаленную на меня тварь, выгнувшую хребет под ожегшими ее искрами... Она ринулась в сторону, но я не упустил ее... Я растянул хлыст, стегая ее спину с пониженной мощностью... Она метнулась в другую сторону, но кнут просвистел у нее над головой, рассекая ей надбровье, закрывая глаз, заставляя разворачиваться... Теперь тварь несется от моего кнута к укрытию, а я преследую ее... стараясь не думать о ее страданиях...

Удар под колено не сбил зверя, но заставил его споткнуться и зацепить когтями мох – поверхностные и крепко переплетенные корни мха. Зверь, не останавливаясь, выдрал и разорвал мох в клочья, но это замедлило его ход... И я помчался к нему, сокращая дистанцию и длину кнута, увеличивая мощность разряда... Теперь я сшиб его ударом сильнее прежнего – он рухнул под градом искр... Я сразу собрал кнут под рукоять, не позволяя зверю запутаться и разорвать поле кнута, удерживающее управляемые частицы... Зверь поднялся, припадая на хроную ногу, когда я подлетел к нему, распуская искрящий предельной мощностью хлыст... Он понял, что ему не уйти, и обернулся ко мне, вздымая шерсть на загривке, всматриваясь в меня темнеющими глазами... Хлыст взметнулся в воздух вслед за вздыбленным зверем, обдавая обжигающими искрами нас обоих... Треск рассыпался огнями... и все затмил, заглушил визг... Все звенит, разбиваясь

осколками, – все в моей голове... Я не вижу – все меркнет во мраке... Но одна тень темнее других... Это он – это зверь... Один рывок – только один... И это кончится – все кончится... Я собираю остатки воли, не пораженной криком... Огибаю вздыбленную тварь, оборачивающуюся за мной, шибая ее блекнувшим бичом и бросаюсь сбоку ей на шею, вбивая клинок под челюсть... падая вместе с ней... падая на нее...

Рука так дрожит, что я не могу снять маску... Я сдираю ее, но не могу вдохнуть, хватая жалкие обрывки воздуха... Я живой... А эта тварь... Я убил зверя.

Фламмер молча поднял меня, крепко обхватив за плечи, так и ходящие ходуном... Он отодрал мою руку от рукояти ножа, всаженного в горло зверюги, а из другой – вырвал маску...

– Давай соберись. Ты справился. Успокойся. Надевай маску и дыши ровнее.

Я смотрю на него с изумлением... А он хватает тушу зверя за клок шерсти и волочит к груде камней, где уже свалены три забитых зверюги... Это Олаф – он просто спалил этих зверюг хлыстами... Он ослепил этих зверей – рассек их глаза горящим кнутом... Он разогнал кнут так, что разрубил их связки и сухожилия... Он задушил их – схлестнул им шею кнутом... Но не просто задушил – он обвил им горло огнем, спущенным с хлыста... У меня по плечам пробежались продрогшие крысы, заставляя меня сжиматься и съеживаться... Я вздрогнул, сгоняя их, но только стряхнул их на спину, в которую они крепко вцепились каждым холодным когтем... Пожадничал Олаф, позарившись на обеих тварей, – он испортил не только их шкуры, но и мои нервы... Обычно он так не делает, поражая зверя с расчетом на сохранность шкуры... Но эта охота – особенная... Она – прощальная... А офицер... Его зверь цел – нет никаких видимых увечий... Я удивился еще сильнее – забыл даже про ушибы... почти забыл... Я побрел к этому зверю – посмотреть, как это офицер его так... Колени у меня подгибаются, а локти наоборот – не гнутся... Я не только устал и продрог, но еще и болит все, что не болело во время охоты... Так всегда – страх и агрессия притупляют все чувства... А когда они отступают – наваливается все и сразу...

Я нагнулся к этой нетронутой с виду твари, лежащей на спине, как человек, раскинувший руки и запрокинувший голову... Уставился на грудь зверюги и обомлел... Это ж как так?..

– Олаф, а как это так?..

Олаф с хищной ухмылкой, подошел ко мне, упирая руки в бока и разглядывая распростертую перед ним зверюгу...

– Прямо в сердце. С одного удара.

– А как это?..

Олаф аж глаза сощурил, аж клыком блеснул через тонкую улыбку...

– Не знаю, как. Не видел. А жаль. Хотел бы посмотреть.

– Он же цел и невредим – офицер...

– Ни царапины.

– Но, всаживая клинок дыблящемуся зверю в сердце, он должен был в захват зверя угодить... Ему зверь должен был голову снести... или шею сломать... или спину когтями разорвать...

Офицер встал у меня за спиной, равнодушно рассматривая остывающего скингера...

– Я к нему и не подходил... Метнул нож, когда он поднялся нападать...

Олаф с уважением взглянул на офицера – с настоящим уважением и без тени надменности...

– Вы первый известный мне охотник, сразивший снежного зверя в сердце одним клинком... одним ударом... насмерть с одного маха...

– Ты считаешь, что это сложно?

– Не просто сложно... Это, считай, невозможно...

Фламмер задумался, безучастно всматриваясь в зияющую на груди зверюги рану, и побледнел... Я сообразил, что он просто не знал, как это сложно, – попасть ножом в сердце снежного зверя... как сложно не промахнуться и пробить грудной хрящ... Он сделал это, намереваясь не подпускать зверя на опасное расстояние, не имея понятия, как это опасно, – подбить зверя и потерять клинок... не положить зверя замертво, а ополчить всю его ненависть против всего живого... Как же Олаф не видит этого?.. Как же он восторгается этим?.. Я не понимаю... Только я начинаю понимать что-то одно, перестаю понимать все остальное... Я понимаю, что все идет не так, но не знаю, что с этим всем делать...

Офицер торопит нас – скоро поблизости пролетит патрульный, и мы пересечемся с ним, если не поспешим уйти... Но Олаф уперся и настоял на срочной обдирки шкур... Он убежден, что шкуры сдирать надо сразу, пока зверюги не промерзнут и пока спустить с них шкуры не станет сложнее... Но этим заниматься мы должны не здесь, а наверху – в снегах... На снегу мех только что убитого скингера обретает белоснежный окрас и даже – искрится... Так что мы крепим к тушам тросы, готовясь к тяжкому труду...

Я свалился в снег, растирая ободранные тросами руки прямо через протертые перчатки... А Олаф полоснул ножом первого зверя, проводя ровные надсечки и с силой сдергивая подрезанные шкуры...

– Ханс! Что разлегся?! Помогай! И вы тоже! Фламмер!

Кровь мертвых зверей потеряла напор и, подмерзая, вытекает вяло... Но мы все в крови... Из глубоких разрезов на нас летят темные и холодные сгустки... Олаф торопится, пятная безупречную до сих пор форму офицера... Но Фламмер молчит, не обращая на это никакого внимания... Он делает все, что только Олаф ни скажет, хоть Олаф и считает командиром его – Фламмера...

“Защитник”, все это время стоящий у нас над душой, наставил офицеру в лицо холодные глаза...

– Заканчивайте. Закройте зверей шкурами и засыпьте снегом.

Офицер кивнул головой, накидывая на зверей только что снятые с них шкуры... Я рад, что шкуры снова скрыли их – а то уж очень они без шкур похожи на нас, на людей...

– Пора поворачивать. Нас обнаружат...

И отдышаться даже не успели, а уже двинулись... Обратная дорога оказалась куда тяжелее – устали мы ужасно... Так обычно и бывает – обратно тяжелее... Но приходится поднапрячься, иначе пересечения не миновать... Мы набросили на головы и плечи тяжелые шкуры и бредем, пригибаясь, обернувшись зверями для всех, кто нас видит... Ледяная пыль рассыпается под ногами и поднимается над нами, скрывая нас мерцанием... Нас окутывает и сумрак, клоня ко сну... Холод пробрался в наши легкие и подбирается к разуму, усыпляя его, как и все остальное, как все вокруг...

Я едва сдерживаюсь, чтоб не свалиться, но заставляю себя идти... Я готов взмолиться о пощаде, но упорно молчу... Мы избежали пересечения, выйдя из поисковой зоны, но не остановились перевести дух... Мы не должны допустить пересечения с ищущей нас техникой и на границе зоны восприятия – нам нельзя так рисковать и нужно отойти дальше...

Но и дальше мы не остановились, стремясь скорее преодолеть оставшийся путь... Просто, поднимается ветер, насылая на нас поземку... А застигнет нас здесь ночь и метель – настигнет и смерть... Нам и так приходится пробираться через снежные заносы и продираться через слепые сумерки неведомой и невидимой тропой – направление нам указывает только техника...

Но и добравшись до снежного убежища, мне не удалось уснуть мертвым сном усталого охотника, вернувшегося из дальнего похода... Мне и у горячего огня постоять не дали... Мы раскопали заметенные снегом “стрелы”, выгадали время, не грозящее нам пересечением с разведывающей обстановку техникой, и понеслись обратно... Я не соображаю уже ничего, полагаясь только на “защитника”, всегда ясно мыслящего и никогда не путающегося в сложных расчетах. Он ведет... Проводит нас по тропам расстояния и времени, вычисленным и внесенным в схемы столкновений с техникой системы... Он проводит нас среди простертых в ночном мраке снежных пустошей... На эти пустоши редко опускается такой мрак – это метели затмевают сияние севера и звездные лучи Хантэрхайма...

Я в забытьи таскаю туши, холодные, как мои руки... Мне кажется, что они шевелятся, и я трепещу на пронизывающем ветру... Просто, с них опадают клочья шерсти и комья снега напитанного кровью... Я стряхиваю с обледенелых в крови шкур эти обрывки... Но покрытый инеем мех затвердел и царапает мне руки... Лед, намерзший на звериных шкурах, трещит, ломаясь, и мне кажется, что изуродованные нашими ножами звери – дышат... И вообще, все уже похоже на сон... И мы, с нашим жутким грузом, и снег, мерцающий в ветре... Мрак и метель меняют очертания знакомых предметов, наших силуэтов... Они что-то шепчут на ухо, шурша за воротом, чем-то скрежещут в темени за спиной... Я знаю, что это не скрежет зубов, а скрип наших шагов,

но... Просто, предметы падают здесь без стука, пропадая в снегу и мраке, как исчеза... И я не узнаю Олафа, показанного мне пургой в чуждом обличье... и офицера, явленного в тусклом и зыбком виде... Я закрыл, глаза, стараясь не смотреть... Главное – не спать на ходу... Я повторяю это, как в бреду, но все равно засыпаю, будто окутанный слепым и неммым туманом... Сон вяжет меня холодом, подкашивая ноги и укладывая в снег... рядом с тушей, которую я никак не могу загрузить и закрепить... Фламмер растолкал меня... Но я же не сплю... А он...

Без памяти от усталости я рухнул на снежные нары, едва только ступил в наше убежище...

– Ханс! Вставай давай...

– Олаф... Я с ног валюсь...

– Я тоже. А Фламмер – уже свалился. Его теперь так просто не разбудишь. Подожди фитиль... Холод здесь зверский... А мы промерзли так, что шкуры не согреют...

Я знаю, что руки Олафа отморожены сильнее, что с огнем и горелкой ему придется провозиться дольше... Преодолевая ломоту в мышцах, сползаю с нар, падаю на колени в проход, разделяющий приподнятые над утоптанном полом спальные места, и шарю впотьмах руками, ища... Я нащупал что-то похожее на эту железку... Олаф засветил фонарь, и я увидел, что в моих руках что-то другое... Руки непослушные и ничего не чувствуют, но я разыскиваю нужную жестянку и разжигаю... разжигаю огонь...

Запись №19

Я проснулся, скрученный болью во всем теле, холодом и тревогой... Я вспомнил, что охота прошла как нельзя лучше, но тревога не ушла... Я сполз в проход, подхватывая сползающие шкуры, протянул руки к огоньку горелки, но его бьет еще более жестокая дрожь, чем меня... Я не выдержал и толкнул Олафа... Он не проснулся, и я стянул шкуру у него с лица...

– Олаф...

Олаф натянул шкуру обратно, но я стянул ее снова...

– Олаф...

Он открыл серебряные глаза, наставляя их на меркнувший и чадающий огонек...

– Что тебе?..

– Да так... просто...

– Связки тянет?..

– Тянет...

– Так терпи.

– А я терплю...

Олаф поднялся, опершись на руку...

– Ханс, разотри и пройдет.

Он резко осекся, отдернул руку и оскалился в лицо резанувшей сухожилия боли... Он расстегнул и сбросил куртку, собираясь растирать заклиненные суставы и сведенные судорогой мышцы, но замер, внимательно смотря на ржавые пятна, расплзшиеся у него на коже...

– А что это за пятна у тебя такие, Олаф?.. Кажется, тебя зверь все же ошпарил...

– Конечно, ошпарил. Не лишай же это...

Я посмотрел на его руку, обвитую жгутами надорванных вен...

– Может, и лишай... И лишай, и ожог... Ты, наверное, от снежного зверя заразу какую-то подхватил...

Олаф скривился, спешно застегивая куртку...

– Трудно все теперь... От этого и цепляется всякая дрянь... Подорвали меня эти зимние голодовки... И переход этот, и охота... Тяжело мне это далось...

– Тяжело, Олаф...

– Это техника системы повинна... Нам от нее спасу нет... Заставляет она нас силы терять – не на охоты их тратить, а на поиски потаенных пристанищ... “Вороны” все из головы вытесняют, вынуждая только и вычислять их разведтехнику... Надо нам с места сниматься, Ханс, пока еще можно... пока еще можно уйти...

– Мы пойдем в крепость Сюань-Чжи?..
– Куда Фламмер скажет, туда и пойдем...
– Я про эту крепости знаю только то, что это – крепость... построенная древними “драконами”...

Олаф запустил руку в волосы – спутанные и запачканные высохшей кровью зверей...

– Далеко это, Ханс... Добираться туда придется через территории Штрауба, Небесного... через Вэй-Чжен...

– Хотелось бы в Штраубе остаться...

– Не думаю, что мы в Штраубе задержимся... Сложно в его лесах скрыться... И охотиться на его территориях – сложно...

– Не так, как здесь...

– Не знаю, Ханс... Не знаю...

– Я надеюсь, что получится... Пойдем на подземных тварей...

– Руггеры хуже, чем скингеры...

– Я их не видел – только на виртуальном поле...

– И я не видел... Но я знаю, что они – опасней, чем скингеры... Посмотрим на них, конечно...

Попробуем с ними сразиться...

– А что за твари живут в Сюань-Чжи?..

– Понятия не имею... Но мы и их проверим на прочность...

– Я знаю, что “драконы” делали разных тварей...

– Раньше... Теперь они только воюют с нами... Не знаю, что у них осталось...

– Крысы точно есть...

– Крысы везде есть...

Я низко опустил голову, стараясь не думать о крысах, которые мне поперек горла стоят...

– Олаф... А у меня тоже пузыри на плече... Чешутся...

– Значит, точно зараза...

– И что с ней делать?..

– А я откуда знаю?.. Ждать, пока пройдет...

– А лечить не надо?..

– Надо, но я такой заразы не видел еще – не знаю пока, чем ее задавить... Вирус, верное дело...

– Значит, и лихорадка будет?

– Думаю, меня уже лихорадит – ломает уж слишком сильно...

– Да... А я думал, что это только от нагрузок... Не загнуться бы теперь...

– Не загнемся. Не в первый раз сразу цепляем.

– А офицер?.. У него же жар впервые, наверное?.. Врачи же все и всех сразу лечат, а мы...

Мы с Олафом замолкли, когда в полумраке проявилось бледное лицо офицера... Олаф замолк из-за того, что не хочет показывать офицеру хоть какую-то уязвимость – он же заносчивый... он же показывает непобедимость и неустрашимость всем видом, поддерживая этот вид всеми силами, как бы не обессилел, как бы не боялся... А я... Я просто испугался этого бледного лица, этого блеклого взгляда... Через его глаза прокрадывается в мою душу опустошенность... В его глазах не простираются холодные снега... В его глазах пространство полностью перекрыто плотной пургой... Это плоскость, прячущая перспективу...

Олаф отсылает меня спать – нам надо хоть как-то поддержать силы, передохнуть и привести себя в порядок... Но я не засну... Я не буду больше спать...

Запись №20

Я очнулся с пониманием, что – заснул... И проглотил ком холодного ужаса, как живую крысу, которая дерет меня когтями изнутри, стараясь выбраться... Я вскочил, ударившись головой о затвердевший снежный блок, и бросился к Олафу... Он поднялся сразу, хватая меня за плечи наставляя на меня скованные сталью глаза...

– Олаф...

Я уронил голову ему на плечо...

– Олаф...

Олаф долго... долго соображает... Он не видит...

– Ты это что, Ханс?!

Олаф оттолкнул меня и осмотрелся... Он увидел “защитника” замершего у стены, разбросанные на нарах шкуры, но он не видит... А мне не хватает дыхания сказать ему, что... Мне страшно сказать, что... Я не знаю, что делать...

– Он не справился... Он ушел... Его возьмет снег, если мы не найдем его... Мы должны, Олаф... Олаф, не оставляй его в снегах... Он справится... Он привыкнет... Мы должны спасти его, Олаф... Он не плохой...

– Прекрати это! Ханс!

Олаф подлетел к отключенному “защитнику”, запуская руку в слипшиеся от чужой крови волосы...

– Я же сказал, Олаф... Он не плохой... Он отключил “защитника”... Он понял, что не способен справиться с ним, и отключил его... Он не подверг нас опасности...

Олаф озадачен до того, что не злится...

– Он решил, что “защитнику” нет доверия и... Он решил рассчитать схемы пересечений... Он пошел хранилища данных искать?

– Он просто пошел, Олаф...

– Он пошел на наблюдательный пункт... Но он не способен к определению поисковой техники на таком уровне, как “защитник”...

– Олаф! Ты что, не слышишь?! Он просто ушел! Ушел на вечный зов молчания! Он ушел в снежную пустыню, не разбирая пути!

– Фламмер? Ты что, Ханс? Такие не уходят.

– Как раз такие и уходят, Олаф... Я такой тупой... Я натворил такое... Я притащил его к нам... Его – программиста... офицера S4...

– Этот рабочий и боевого офицера за пояс заткнет. Хватит чушь нести.

– Ты тогда... Ты был прав, Олаф... Он не для этого сделан... Не для смерти и крови... Это я не сообразил... Но теперь... Теперь поздно...

– Я был не прав. И неправоту признал. Он сделал все, что нужно, и так, как нужно.

– Но он – не справился! Пожалей его, Олаф... Помоги мне его найти... Он нам пригодится, пусть он и не такой...

– Никого я жалеть не стану. А найти его нам просто необходимо, потому что он нам, и правда, – полезен. Может, он и не такой, как думаю я, но и не такой, как думаешь ты.

Проглоченная крыса притихла и перестала отчаянно царапать мне горло...

– Я знаю, что живу в воображаемом мире, Олаф... Но я так стараюсь поступать хорошо... Я так хочу, чтобы все у всех было хорошо...

– Знаю. Твой мир солнечный... Это в моем мире бушуют бури... А вообще... Мы все, в общем, в воображаемом мире живем. Ведь мы не можем видеть в этом мире всего и сразу, а все, что мы не видим сейчас, – мы воображаем. И что мы воображаем что-то невидимое нам, еще не значит, что этого нет, – мы можем просто этого не видеть. Все держится на точности додуманных нами дополнений для видимой действительности. А среди нас нет стрелков, не знающих промахов. Порой, мы допускаем неточности, заполняя пустоты в наших головах настоящей невидалью. Мы все втроем заполнили головы неизвестно какой заразой и теперь тащимся в снега все втроем...

– Ты не сердись, Олаф?..

– На что?.. На то, что мы все – живые?.. Только дохлые не знаю промаха, Ханс... потому, что они – не стреляют в цель... потому, что у них – нет цели...

– А где его искать?.. Метель замела все следы...

– Хантэрхайм – вечно светящийся маяк – все дороги сведены к нему... Хантэрхайм зовет нас всех – всех охотников севера, дышащих и вольным ветром, и ветром войны... Перехватим его на этом пути. На пределе скорости полетим. Пронесет – не попадем к охранникам порядка. А напоремся на них... Что ж, они нас и после смерти помянут...

- После их смерти они нас помянут или после нашей?..
- Это зависит от того, кто кого, Ханс... Главное, что и так и эдак – помянут.

Надо же, а ведь действительно так и вышло... Ведь все охранники системы мертвы, а память об этих охотниках у них осталась – вернее, память этих охотников осталась в архиве службы безопасности... и попала в мои цепкие когти... Вот как. Все же люди неглупый народ – что-то они да понимают... хотя бы то, что нельзя понять всего. Это великая истина. Но я, как истинный ученый, стараюсь доказать и опровергнуть все истины, в которых уверен или не уверен. Только так, стараясь их и доказать, и опровергнуть одновременно, можно в них абсолютно убедиться или абсолютно разубедиться... или, как происходит в моем случае, – поковыряться в них, пытаясь хоть что-то понять. Это все серьезнее, чем вот так вот взять и – просто поверить, опираясь на доводы и выводы других – основательные или безосновательные... Правда, другие больше делают не выводы, а выходки... А я – ученый – делаю и то, и это... И вообще – я много чего делаю. Это серьезное занятие – много делать... Много – это не мало... Вот так.